

ПРАВО

№ 30.

1907 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПРАВО“

С.-Петербургъ, Владимірскій просп., д. № 19. Телефонъ 41—61.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

Изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова:

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

ВЫП. I. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ДУМЫ. Сборникъ статей Н. А. Бородина, Ив. И. Петрункевича, В. М. Гессена, А. Р. Ледническаго, В. Д. Набокова, С. А. Муромцева и М. М. Винавера. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

ВЫП. II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА. Сборникъ статей. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

ВЫП. III. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДѢЛО. Сборн. статей. 1907 г. Ц. 75 к.

И в ъ Т ю й о.

Соціальныя ученія христіанства.

Переводъ съ послѣдняго дополненнаго французскаго изданія Э. Капеллюша. Спб. 1907 г. Цѣна 1 руб.

„Альманахъ“ издательства „Шиповникъ“. Книга вторая. 1907 г. Ц. 1 р.

Бернштейнъ, Эд. Анархизмъ. 1907 г. Ц. 25 к.

Бланъ, Луи. Исторія революціи 1848 года. 1907 г. Ц. 3 р.

♦♦ Дайси, А. В. Основы государственнаго права. 1907 г. Ц. 2 р.

Дубновъ, С. М. Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.

Еллинекъ, Г. Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ вступ. статьей Б. А. Кистяковского. 1907 г. Ц. 30 к.

Лассаль, Ф. Францъ фонъ-Зиккингенъ. Историческая трагедія. 1907 г. Ц. 1 р.

♦♦ Леруа, М. Эволюція государственной власти. (Синдикаты чиновниковъ). 1907 г. Ц. 70 к.

♦♦ Лопухинъ, А. А. Изъ итоговъ служебнаго опыта. Настоящее и будущее русской полиціи. 1907 г. Ц. 50 к.

Марксъ, Карлъ. Капиталъ. Критика политической экономіи. Томъ II-й. 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Менгеръ, А. Народная политика. 1907 г. Ц. 25 к.

♦♦ Озеровъ, И. Х. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги? Изд. 2-е. 1907 г. Ц. 1 р.

♦♦ Орловскій, П. и Зѣнченко, К. Наказъ по управленію морскимъ вѣдомствомъ, съ измѣненіями и дополненіями по 1 іюля 1907 г. Ц. 2 р.

Сліозбергъ, Г. Б. Правовое и экономическое положеніе евреевъ въ Россіи. 1907 г. Ц. 2 р.

Greenfed, I. Die Verfassung des persischen Staates. B. 1904. Ц. 4 р.

Kossmann, R. Züchtungspolitik. S. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Lutzu, H. Die Lehre von der Klageverzähnung nach Liv-Est und Kurländischem Privatrecht. B. II. L. 1906. Ц. 5 р. 25 к.

Marshall, A. Handbuch der Volkswirtschaftslehre. B. I. St. 1905. Ц. 6 р.

Oppel, A. Wirtschaftsgeographie der Vereinigten Staaten von Nordamerika. H. 1907. Ц. 1 р. 90 к., (въ перепл.).

Prager, K. Bücher-Menschen-Dinge. B. 1907. Ц. 1 р.

Saxl, M. Materialien und Gesetz. 2-te Aufl. B. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Schraut, M. Die persönliche Freiheit in der modernen Volkswirtschaft. T. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Thomsen, A. Das deutsche Strafrecht. Besonderer Teil. B. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Westermarck, Ed. Ursprung und Entwicklung der Moralbegriffe. B. I. L. 1907. Ц. 5 р. 50 к.

Zepler, G. Sozialrevisionistische Demokratie. B. 1907. Ц. 50 к.

ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ:

СОВРЕМЕННЫЯ КОНСТИТУЦІИ. Томъ II. Республики и федераціи.

БЕРНШТЕЙНЪ, ЭД. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Авторизованный перев. съ нѣм.

СТУДНИЦКІЙ, ВЛ. Польша въ политическомъ отношеніи отъ раздѣловъ до нашихъ дней.

ШОРЪ, А. С. Основныя проблемы теоріи политической экономіи.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1907 г.

№ 30.

Воскресенье 29 іюля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: приватъ-доцента В. М. Гессена, І. В. Гессена, приватъ-доцентовъ А. И. Каминка и Н. И. Лазаревскаго, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Современное положеніе нашего уголовного законодательства. В. Д. Набокова. 2) Матеріальныя границы мѣстнаго суда и его организація. Проф. Н. А. Гредескула. 3) Требованіе выдачи 55 депутатовъ. О. П. 4) Дѣйствія правительства. 5) Судебные отчеты: а) С.-Петербургская судебная палата. (Храненіе динамита). б) Гродненскій окружный судъ. (Дѣло о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ). 6) Хроника. 7) Библиографія. Эдуардъ Бернштейнъ. Стачки. Р. И. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Современное положеніе нашего уголовного законодательства.

Въ мартѣ исполнилось четыре года со дня утвержденія новаго уголовного уложенія. Именной высочайшій указъ 22 марта 1903 года, какъ извѣстно, заключалъ въ себѣ, между прочимъ, повелѣніе сдѣлать надлежащія распоряженія къ обнародованію уголовного уложенія и къ приведенію засимъ въ дѣйствіе въ срокъ, который будетъ особо къ тому назначенъ верховною властью. Назначеніе это, однако, не послѣдовало, и дальнѣйшій ходъ нашего уголовного законодательства, лишенный всякой системы и объединяющей общей мысли, привелъ въ настоящее время къ полному хаосу.

Сомнительнымъ и едва ли цѣлесообразнымъ представлялось уже въ 1903 г. утвержденіе кодекса, относительно котораго нельзя было съ какой бы то ни было достовѣрностью сказать, когда онъ будетъ введенъ въ дѣйствіе.

Это былъ совершенно новый, не примѣнявшійся еще у насъ пріемъ. Конечно, утвержденіе новаго уложенія не могло совпасть съ самымъ введеніемъ его въ дѣйствіе. Такъ, уложеніе 1845 года, утвержденное 15 августа,

было введено въ дѣйствіе съ 1 мая 1846 года. Извѣстный срокъ на ликвидацію стараго права необходимъ, разъ дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ спеціальныхъ законахъ, а объ огромномъ и сложномъ ихъ комплексѣ. Но по отношенію къ уложенію 1903 года мы имѣемъ дѣло съ совершенно другимъ явленіемъ. Срокъ введенія его въ дѣйствіе не былъ указанъ, и это не можетъ быть объяснено ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что въ мартѣ 1903 года вовсе не было извѣстно, какъ продолжителенъ будетъ этотъ срокъ. Едва ли такое утвержденіе бы послѣдовало, если бы можно было съ увѣренностью предсказать, что и черезъ четыре года вопросъ о введеніи въ дѣйствіе будетъ находиться въ той же стадіи.

Еще года два тому назадъ намъ пришлось на страницахъ „Вѣстника Права“ коснуться того страннаго и нелѣпаго положенія, которое создалось благодаря тому, что у насъ продолжаетъ дѣйствовать старое уложеніе, надъ которымъ волею законодателя поставленъ крестъ, а новое остается висѣть между небомъ и землей, въ видѣ какого то ненужнаго украшенія. Можно, разумѣется, заведя себѣ новый сюртукъ, оставить его висѣть въ шкапу и донашивать старый, заплатанный и лопнувшій по

швамъ. Но создавать уголовный кодекс „въ прокъ“ и, признавъ его законченнымъ и подлежащимъ введенію, продолжать руководиться старымъ—это значитъ вовсе не считаться съ народнымъ правосознаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ: достаточно минутнаго размышленія для того, чтобы убѣдиться въ опасности такого недовершеннаго преобразованія.

Едва ли приходится напоминать, что уголовное уложеніе въ теоретической части своей построено на началахъ глубоко отличныхъ отъ тѣхъ, которыя положены въ основаніе уложенія о наказаніяхъ. Общая часть уголовного уложенія представляется стройнымъ, тщательно разработаннымъ цѣлымъ, въ основу котораго положены выводы догматики уголовного права второй половины прошлаго вѣка. Въ особенной части мы находимъ новыя статьи, предусматривающія дѣянія, ненаказуемые по старому уложенію; далѣе, рядъ дѣяній, наказуемыхъ по этому послѣднему, непредусмотрѣнныхъ новымъ; наконецъ, по отношенію къ массѣ статей уложенія о наказаніяхъ уголовное уложеніе внесло измѣненія, заключающіяся либо въ усиленіи, либо въ смягченіи наказанія.

Всѣ эти измѣненія 22 марта 1903 года санкціонированы верховною властью. Утвердивъ новое уголовное уложеніе, воля законодателя санкціонировала все его содержаніе и тѣмъ самымъ высказала приговоръ старому кодексу. Всѣ отступленія новаго отъ стараго признаны правильными и необходимыми. Если какая нибудь статья уложенія о наказаніяхъ не перешла въ уголовное уложеніе, это значитъ, что законодатель болѣе не признаетъ нужнымъ карать за дѣяніе, предусмотрѣнное этой статьей. Если, наоборотъ, новое уложеніе криминализируетъ дѣяніе, непредусмотрѣнное старымъ, нельзя не придти къ заключенію, что, стало быть, законодатель не считаетъ болѣе возможнымъ оставлять это дѣяніе безнаказаннымъ. То же самое слѣдуетъ сказать по поводу измѣненія санкціи: усиливая ее, законодатель высказываетъ убѣжденіе, что прежняя санкція была недостаточна; и наоборотъ, смягченіе санкціи свидѣтельствуетъ о томъ, что по мнѣнію законодателя, прежняя кара была слишкомъ сурова, а слѣдовательно несправедлива.

Но воля законодателя не можетъ быть двойственной. Онъ не въ состояніи одновременно желать и не желать наказывать за то или другое дѣяніе, или наказывать въ той и въ другой степени. А между тѣмъ, какъ разъ такое положеніе получается, разъ существуютъ одновременно два уложенія, изъ которыхъ одно утверждено, но не введено въ дѣйствіе, а другое еще дѣйствуетъ, хотя уже перестало соответствовать волѣ законодателя. Совершенно очевидно, что на правосознаніи такая двойственность должна отражаться самымъ неблагоприятнымъ образомъ; чтобы убѣдиться въ

этомъ, достаточно на одну минуту представить себѣ обвинительный приговоръ за дѣяніе, наказуемое по старому уложенію, но ненаказуемое по новому; или безнаказанное совершеніе другихъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ новомъ уложеніи, но еще ненаказуемыхъ по старому. Столь же тягостна необходимость назначать, руководясь уложеніемъ о наказаніяхъ, такую кару, которая новымъ уложеніемъ признается слишкомъ суровой. А съ точки зрѣнія охраны общественныхъ интересовъ, едва ли можно оправдать примѣненіе такихъ каръ, которыя новый законъ признаетъ, наоборотъ, слишкомъ мягкими и потому недостигающими цѣли.

Такое состояніе длится, однако, пятый годъ, и нѣкоторыя привходящія обстоятельства особенно обостряютъ его, подчеркивая всю его ненормальность.

Такъ, прежде всего, послѣдовавшее частичное введеніе въ дѣйствіе уголовного уложенія должно было внести новый сумбуръ и новую путаницу, въ особенности потому, что введены были наименѣе цѣнные отдѣлы, ушедшіе своими корнями въ старую почву. Въ области государственныхъ преступленій новое уголовное уложеніе всецѣло держится тѣхъ идей, которыя составляли достояніе стараго стряся. Какъ показали недавно Г. Н. Штильманъ, именно въ этой области новое уложеніе уже успѣло устарѣть. И это совершенно естественно. Въ 1903—4 годахъ шла рѣчь о тщательной охранѣ абсолютизма, объ искорененіи всего того, что прямо или косвенно было направлено на достиженіе новаго порядка вещей. Въ 1905 году абсолютизмъ формально прекратилъ свое существованіе. Государственные преступления въ странѣ, въ которой формально устанавливается на мѣсто абсолютизма правовой порядокъ, мѣняютъ свое содержаніе. Измѣняется самая точка зрѣнія, съ которой на нихъ смотритъ законъ.

Если къ такому выводу можно придти аргію, то онъ еще подкрѣпляется опытомъ; хорошо извѣстно, какое примѣненіе получили пресловутыя статьи 126 или 129,—и понятно всякому, что это примѣненіе всецѣло вдохновляется завѣтами и требованіями абсолютизма. Самая возможность распространить дѣйствіе ст. 126 на политическую партію, открыто выступающую и въ избирательной кампаніи, и въ парламентѣ, доказываетъ, что содержаніе этой статьи абсолютно не соответствуетъ измѣнившимся условіямъ жизни. И это лишь одинъ примѣръ изъ многихъ.

Еще разительнѣе фактъ одновременнаго дѣйствія общей части новаго уложенія для однихъ преступленій и стараго для другихъ. Наше дѣйствующее право заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ, два понятія покушенія, два понятія приготовленія, два понятія соучастія, и т. д.

Давность въ отношеніи государственныхъ

преступлений имѣть другое значеніе и другой объемъ, чѣмъ въ отношеніи всѣхъ другихъ. Крайняя необходимость также. И точно также число этихъ примѣровъ можетъ быть умножено *ad libitum*.

Это, однако, не все. Послѣ утвержденія уложенія въ 1903 году, уголовное законодательство наше не остановилось. Цѣлый рядъ новеллъ привить къ старому уложенію. Иныя изъ нихъ заимствованы изъ новаго уложенія.

Другія представляются законами *ad hoc*, изданными подъ вліяніемъ случайныхъ временныхъ обстоятельствъ. Многочисленнѣе всего тѣ, которыя явились въ качествѣ санкцій, устанавливающихъ предѣлы политической свободы. Русское общество ознакомлено главнымъ образомъ съ шипами этой свободы: гораздо реальнѣе кары за „злоупотребленіе“ ею, чѣмъ самыя блага, ею даваемыя.

Въ этомъ отношеніи можно указать: на правила 13 октября 1905 г., замѣненные правилами 4 марта 1906 г., устанавливающія отвѣтственность за злоупотребленіе свободой собраній; на правила 24 ноября 1905 г. и 26 апрѣля 1906 г. о печати; 4 марта 1906 г. о союзахъ и обществахъ; 15 апрѣля 1906 г. о стачкахъ. Къ числу законовъ, *ad hoc* изданныхъ, относятся: указъ 2 декабря 1905 г. о наказуемости участія въ забастовкахъ въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе, а равно въ учрежденіяхъ правительственныхъ; высочайше утвержденное 9 февраля 1906 г. мнѣніе госуд. совѣта объ отвѣтственности за изготовленіе, приобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ; высочайше утвержденное 18 марта 1906 г. мнѣніе госуд. совѣта, измѣнившее ст. 271—272 ул. о нак., предусматривающія сопротивленіе власти и удержаніе отъ законнаго исполненія обязанностей по службѣ; высочайше утвержденное 13 февраля и 22 апрѣля 1906 г. мнѣніе госуд. совѣта, первое—объ установленіи уголовной отвѣтственности за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ, второе—объ установленіи отвѣтственности за распространеніе ложныхъ слуховъ о кредитоспособности государственныхъ кредитныхъ установленій. Не слѣдуетъ, наконецъ, забыть указъ 8 марта 1906 г. „о временныхъ правилахъ объ огражденіи свободы и правильности предстоящихъ (*sic!*) выборовъ въ государственный совѣтъ и государственную думу, а также безпрепятственной дѣятельности сихъ установленій». Правила эти, изданныя въ то время, когда правительство считало нужнымъ бороться съ „проповѣдью бойкота“, заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, ст. 2, карающую заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ лицъ, виновныхъ въ возбужденіи къ противодѣйствию

выборамъ въ государственный совѣтъ или государственную думу или къ массовому воздержанію отъ участія въ сихъ выборахъ. Эти же правила устанавливаютъ новую форму посягательства на свободу личности, упоминая, наряду съ угрозой, насиліемъ, злоупотребленіемъ властью, также и „отлученіе отъ общенія“,—другими словами—бойкотъ личности.

Для того, чтобы дать представленіе о взаимоотношеніи между этими новеллами и соотвѣствующими статьями уголовного уложенія, а также для характеристики самихъ новеллъ, лучше всего остановиться на одномъ примѣрѣ.

Ст. 222, 223 и 225 уг. ул. предусматриваютъ незаконныя дѣйствія при обращеніи съ взрывчатыми веществами или снарядами. Ст. 222 наказываетъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ виновнаго въ изготовленіи, приобрѣтеніи, храненіи или сбытѣ взрывчатого вещества или снаряда, при обстоятельствахъ, доказывающихъ, что такія вещества или снаряды завѣдомо предназначены для учиненія тяжкаго преступленія. При отсутствіи подобныхъ обстоятельствъ, ст. 223 наказываетъ заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ виновнаго въ изготовленіи безъ надлежащаго разрѣшенія, огнестрѣльнаго или взрывчатого вещества, огнестрѣльнаго или взрывчатого снаряда или частей оныхъ; ст. 225 опредѣляетъ тюрьму (безъ минимума) за храненіе означенныхъ веществъ или снарядовъ безъ надлежащаго разрѣшенія, а также за приобрѣтеніе безъ такого разрѣшенія, продажу или иной сбытъ лицу, не имѣющему разрѣшенія на приобрѣтеніе означенныхъ веществъ или снарядовъ.

Правила 4 марта 1906 г. „упрощаютъ“ эту тщательно разработанную систему. Они заключаютъ въ себѣ всего двѣ статьи. Первая назначаетъ лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачу въ исправит. арестантскія отдѣленія на время отъ четырехъ до пяти лѣтъ за изготовленіе, приобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ, безъ надлежащаго разрѣшенія взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ, если виновный не докажетъ отсутствія преступной цѣли. Если же „означенныя въ сей статьѣ преступныя дѣянія учинены съ какою либо противною государственной безопасности или общественному спокойствію цѣлью“, то виновный наказывается „лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы на время отъ четырехъ до пяти лѣтъ“.

Какъ видитъ читатель, дистанція между уголовнымъ уложеніемъ и новеллой—огромнаго размѣра. Намъ возразятъ, что новелла отвѣчаетъ требованіямъ борьбы съ революціонной дѣятельностью. Но могутъ ли эти требованія доводить до такого абсурда, какъ возложеніе

бремени доказыванія отсутствія преступнаго умысла на обвиняемаго? Или, напримѣръ, стрѣльба въ мѣстахъ, гдѣ стрѣльба запрещена, (дѣйствіе нарушающее общественное спокойствіе) наказывается по уголовному уложенію арестомъ на срокъ не выше двухъ недѣль или денежною пеней не выше пятидесяти рублей, а новелла наказываетъ ношеніе оружія, съ цѣлью произвести такую стрѣльбу, — четырехлѣтней (минимумъ) каторгой!..

Что карательныя новеллы послѣдняго времени абсолютно не считались ни съ общей экономіей карательныхъ мѣръ, ни съ основными началами уголовной отвѣтственности, — это мы имѣли случай отмѣтить при разсмотрѣніи законовъ, изданныхъ въ первое междудумье въ порядкѣ ст. 87 и отмѣненныхъ второю думою. Но приблизительно то же самое приходится сказать и о новеллахъ, изданныхъ до созыва первой думы и по нынѣ дѣйствующихъ.

Такимъ образомъ, хаосъ нашего уголовного законодательства складывается изъ слѣдующихъ элементовъ: изъ уложенія и устава о наказаніи, въ значительной своей части устарѣвшихъ и непригодныхъ; изъ фрагментовъ новаго уложенія, механически вставленныхъ, построенныхъ на иныхъ началахъ; изъ ряда случайныхъ новеллъ временнаго характера, по большей части невѣроятно слабыхъ въ смыслѣ юридической техники. Найти общую мысль, общія руководящія точки зрѣнія и юридическія критеріи во всемъ этомъ *mixtum compositum* — совершенно невозможно.

Такое состояніе не можетъ, конечно, долго продолжаться. Не слѣдуетъ забывать, что оно дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе цѣлаго ряда неотложныхъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ введеніемъ въ дѣйствіе единого уголовного кодекса. Сюда относится реформа судебная и въ частности преобразование мѣстнаго суда, введеніе института условнаго осужденія, и др. Но въ свою очередь, введеніе въ дѣйствіе уголовного кодекса требуетъ прежде всего подготовки новой карательной системы. Въ этомъ заключалась главная задача, возлагавшаяся на правительство указомъ 22 марта. Къ сожалѣнію мы совершенно не знаемъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи. Вообще, въ настоящее время не слышно болѣе ни о какихъ проявленіяхъ дѣятельности министерства юстиціи въ отношеніи уголовного уложенія. Имъ какъ будто совершенно перестали интересоваться. Со смертью статсъ-секретаря Фриша сошелъ со сцены послѣдній вліятельный государственный дѣятель, который могъ содѣйствовать дальнѣйшему движенію вопроса о судьбѣ кодекса, такъ долго и упорно вырабатывавшагося.

Само собою разумѣется, что теперь уже невозможно введеніе въ дѣйствіе уголовного уложенія иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ, ибо подлежитъ введенію уже не

уложеніе, утвержденное 22 марта 1903 г., а новый кодексъ, значительно измѣненный. Но разъ это такъ, то при внесеніи въ думу закона о введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія, можно ожидать, что дума подвергнетъ самое уложеніе внимательному пересмотру и позаботится объ устраненіи тѣхъ пороковъ и недостатковъ, которые являются отчасти данью, отданной составителями старому строю, отчасти порожденіемъ грѣховъ и болѣзней переживаемой нами эпохи.

Влад. Набоковъ.

Матеріальныя границы мѣстнаго суда и его организація.

Вторая государственная дума, накануне своего роспуска и, въ сущности, зная, что онъ уже неизбеженъ, въ послѣдній день своего существованія все же продолжала свою текущую законодательную работу... На очереди стояли пренія по законопроекту о мѣстномъ судѣ, и эти пренія продолжались, хотя и штурмуемая съ лѣвой стороны многократными попытками „сорвать“ думу, какъ законодательное учрежденіе, и превратить ее въ достаточно запоздалый и никому ненужный митингъ.

Все эти обстоятельства придали законопроекту о мѣстномъ судѣ, на обсужденіи котораго была прервана думская работа, особый историческій отбѣнокъ, превратили его какъ бы въ символъ и вмѣстѣ реликвію нашей пока еще столь злосчастной парламентской жизни. И подобно тому, какъ въ комнатѣ умершаго дорогого покойника все хочется оставить въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было, пока онъ еще тамъ живъ и работалъ, такъ и законопроектъ о мѣстномъ судѣ. При воспоминаніи о преждевременномъ концѣ нашего второго законодательнаго собранія, невольно мыслится, какъ бы застывшимъ на той стадіи обсужденія, на какой онъ былъ прерванъ во второй государственной думѣ, — и мысли не хочется двигаться дальше, не хочется оторваться отъ историческаго воспоминанія...

Однако, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что истинное народное представительство въ Россіи, несмотря на все препятствія, воздвигаемыя ему на пути, не можетъ быть умерщвлено, или можетъ быть умерщвлено только временно.

Порукой этому служить вся предыдущая тысячелѣтная государственная жизнь русскаго народа, въ теченіе которой онъ умѣлъ справляться съ самыми трудными историческими задачами, и та страстность, съ которой онъ въ событіяхъ Портъ-Артура, Мукдена и Цусимы почувствовалъ себя обманутымъ въ своемъ довѣріи къ прежнему, традиціонному нашему государствен-

ному строю и съ какой онъ принялся за его переустройство. Эта страстность вылилась сперва въ пылкое революціонное движеніе¹⁾, но теперь она превратится въ настойчивую защиту дѣйствительнаго, а не классоваго народнаго представительства путемъ широкаго и неустаннаго, хотя и мирнаго, общественнаго движенія, которое или завладѣетъ думой 3 іюня, или сумѣетъ показать, что она не есть истинное народное представительство. А, вѣдь, безъ настоящаго, неподдѣльнаго народнаго представительства Россія, при нынѣшнихъ условіяхъ международной жизни, можетъ быть обречена только на историческую смерть... Поэтому, для того, кто вѣритъ въ историческую жизнеспособность русскаго народа, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русскій парламентъ вовсе не умеръ, а что онъ впалъ лишь во временную летаргію; что придетъ время, когда истинные народные представители вновь займутъ свои мѣста въ Таврическомъ дворцѣ и вновь примутся за свою столь необходимую для русскаго народа созидательную работу...

Тогда и законопроектъ о мѣстномъ судѣ потеряетъ свой нынѣшній характеръ исторической реликвіи и вновь станетъ дѣловымъ проектомъ переустройства очень важной части народной жизни. Поэтому, во имя преемственности историческихъ задачъ, во имя вѣры въ идею русскаго народнаго представительства, разработку законопроекта о судѣ, какъ и разработку другихъ законопроектовъ, необходимыхъ для переустройства русской жизни, надо продолжать, хотя бы имъ и предстоялъ перерывъ или даже реакціонное отстраненіе въ думѣ 3 іюня.

Все лучшее, все вновь народившееся въ русской жизни нельзя навѣки превратить въ простое историческое воспоминаніе, хотя бы объ этомъ и мечтали своеобразные „патріоты“ своего отечества.

Все „важное“, все „нужное“ для Россіи должно продолжаться; должно, поэтому, продолжаться и обсужденіе вопроса о наилучшемъ устройствѣ мѣстнаго суда въ Россіи.

При обсужденіи законопроекта о мѣстномъ судѣ въ думской комиссіи, участниковъ ея изъ числа профессиональных юристовъ весьма смущалъ вопросъ о „выборности“ мѣстнаго суда. Дѣло въ томъ, что въ теоріи судопроизводства твердо стоитъ ученіе о томъ, что судейское званіе требуетъ полной и исключительной независимости судьи отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній; для обезпеченія

такой независимости необходима его несмѣняемость; а для установленія несмѣняемости на всю жизнь необходимо, по общему мнѣнію, назначеніе ихъ на мѣста государственной власти, ибо выборъ всегда производится только на извѣстный срокъ, а, слѣдовательно, ставить судью въ прямую зависимость отъ его избирателей. Эти теоретическія сомнѣнія были настолько сильны, что нѣкоторые изъ участниковъ думской комиссіи (напр., деп. Бобинъ) признавались въ нихъ даже при обсужденіи законопроекта въ самой государственной думѣ. Однако, въ этомъ пунктѣ „теорія“ должна была уступить „практикѣ“. Дѣло въ томъ, что не только въ думѣ, но и въ комиссіи, наряду съ юристами „теоретиками“, сидѣли профаны въ юриспруденціи—крестьяне, землевладѣльцы и люди другихъ профессій. Для нихъ же вопросъ о желательномъ мѣстномъ судѣ не былъ осложненъ никакими сомнѣніями,—ни теоретическими, ни практическими; передъ ними ясно и ярко вставалъ образъ нашего прежняго мирового суда и ничего лучшаго, ничего болѣе желательнаго, чѣмъ этотъ судъ, они не могли себѣ представить. И надо сказать, что позиція „практиковъ“ была на этомъ пунктѣ тѣмъ сильнѣе, что по вопросу о предпочтительности „назначенія“ передъ „выборомъ“ имѣлись также не только „теоретическія“ соображенія, но и „практическія“ данныя. И трудно было убѣдить людей жизненнаго опыта въ томъ, что „назначеніе“ лучше „выбора“, когда передъ ихъ глазами стоитъ судейская дѣятельность „назначаемыхъ“ земскихъ начальниковъ, да даже и правосудіе „назначаемыхъ“ судей въ нашихъ общихъ судахъ. Хотя всѣ эти „практическія-данныя“ и не могутъ поколебать у теоретиковъ (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ общимъ судамъ) ихъ „теоретическаго“ убѣжденія въ превосходствѣ начала „назначенія“ передъ началомъ „выбора“, но все-же они дѣлаютъ ихъ позицію въ данномъ случаѣ крайне неблагоприятной. Ужъ очень у насъ подорвана за послѣднее время вѣра въ судейскую независимость подъ вліяніемъ того давленія со стороны администраціи, какому подвергались наши суды во всѣхъ сколько нибудь щекотливыхъ процессахъ. И хотя министръ юстиціи Щегловитовъ, какъ глава вѣдомства и призывалъ на помощь весь свой пафосъ, отстаивалъ передъ второй думой непорочность нашего суда и призывалъ народныхъ представителей къ тому, чтобы они ни однимъ словомъ не выражали сомнѣній въ достоинствѣ и высотѣ нашего правосудія, но—увы! онъ это дѣлалъ одновременно съ административнымъ увольненіемъ предсѣдателя московской судебной палаты, т. е. при наличности такого факта, который самаго стойкаго защитника начала „назначенія“ долженъ заставить сказать, что въ настоящее время въ Россіи это начало потеряло всю свою цѣну, потому что оно не

¹⁾ Наши доморощенные противники этого движенія, вѣроятно, съ завистью въ этомъ отношеніи взираютъ на Испанію, которая, послѣ потери всего своего флота при Кубѣ и Филиппинахъ и несмотря на жестокія военныя пораженія, обнаружившія всю ея внутреннюю слабость, даже не шелохнулась и осталась въ томъ же полусонномъ историческомъ состояніи, въ какомъ она пребываетъ уже нѣсколько вѣковъ.

сопровождается началом „несмѣняемости“ даже въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе были установлены для него новеллой 1885 года, учредившей для нашихъ судей высшее дисциплинарное присутствіе.... Такимъ образомъ, тезисъ нынѣшняго министра юстиціи можно понимать развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣкогда утверждали, что жена Цезаря стоитъ выше всякихъ подозрѣній; это такой тезисъ, который „теоретически“ долженъ быть признанъ правильнымъ, но который все-же, при извѣстныхъ условіяхъ, можно съ успѣхомъ защищать только *ratione vis*, а не *vi rationis*. И никакого другого значенія аргументація г. министра юстиціи, конечно, не имѣла.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о „назначеніи“ или „избраніи“ мировыхъ судей живой образъ нашего прежняго мирового суда побѣдилъ всѣ теоретическія сомнѣнія, — начало „избранія“ было единодушно предпочтено въ комиссіи началу „назначенія“. Побѣдилъ онъ также и еще въ одномъ важномъ пунктѣ, а именно въ вопросѣ объ устройствѣ апелляціонной инстанціи. Вопреки министерскому проекту, думская комиссія и здѣсь рѣшила цѣликомъ вернуться къ нашему недавнему прошлому, т. е. признать желательной апелляціонной инстанціей для мировыхъ судей—ихъ собраніе, организованное въ видѣ стараго съѣзда мировыхъ судей.

Однако, въ одномъ, на нашъ взглядъ, не только существенномъ, но даже самомъ существенномъ изъ всѣхъ, пунктѣ думская комиссія столь же единодушно, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, рѣшила отступить отъ своего стараго образца: она проектировала, въ согласіи съ министерскомъ проектомъ, повысить матеріальную компетенцію мирового суда въ гражданскихъ дѣлахъ до 1000 рублей, тогда какъ компетенція стараго мирового суда простиралась въ этомъ отношеніи до 500 рублей, а въ мѣстномъ судѣ, его замѣнившемъ (земскихъ начальниковъ и городскихъ судей), она была понижена даже до 300 р.¹⁾

Повидимому, рѣшимости внести это измѣненіе въ организациі мирового суда способствовало, по крайней мѣрѣ, въ средѣ думской комиссіи, то же самое, что заставляло ее въ другихъ случаяхъ отстаивать неприкосновенность прежняго устройства этого суда, а именно, его популярность, признаніе его наиболѣе желательнымъ и самымъ лучшимъ типомъ мѣстнаго суда, вмѣстѣ съ нынѣшней непопулярностью нашихъ общихъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой точки зрѣнія казалось: если мировой судъ, какъ онъ былъ организованъ по судебнымъ уставамъ 1864 г., былъ хорошъ, и

если нынѣшніе общіе суды состоятъ въ такомъ большомъ подозрѣніи, то отчего не расширить самыхъ границъ мирового суда, отчего не повысить его матеріальной компетенціи, — ну, положимъ, вдвое? Къ тому же здѣсь и министерство стояло на той же точкѣ зрѣнія, не возражали юристы-теоретики, еще меньше склонны были возражать члены комиссіи не-юристы. Такъ это серьезное расширеніе компетенціи мирового суда и было принято безъ противодѣйствія съ чьей бы то ни было стороны.

Въ настоящей статьѣ я рѣшаюсь возражать противъ этого расширенія. На мой взглядъ, при нынѣшней реформѣ скорѣе было бы уместно сокращеніе матеріальной компетенціи мирового суда, чѣмъ ея расширеніе; и, какъ я уже замѣтилъ, этотъ пунктъ въ организациі мѣстнаго суда я считаю самымъ важнымъ изъ всѣхъ. Я полагаю, что это и есть тотъ центральный пунктъ всей этой организациі, въ которомъ, прежде всего, надо дать себѣ ясный отчетъ и придти къ опредѣленному и твердому рѣшенію; и только послѣ этого, въ соотвѣтствіи съ составленнымъ мнѣніемъ о томъ, какова должна быть матеріальная компетенція мѣстнаго суда и почему она должна быть такою, а не иною, можно говорить о другихъ вопросахъ организациі этого суда: о томъ, долженъ ли онъ быть выборнымъ или назначеннымъ, какъ въ немъ должна быть устроена апелляціонная инстанція, каково должно быть его отношеніе къ кассационному суду, наконецъ, какъ должно быть поставлено въ немъ самое судопроизводство, въ отличіе отъ судопроизводства общихъ судовъ. Всѣ эти вопросы, въ ихъ связи и совокупности, я и хотѣлъ бы рассмотреть въ нижеслѣдующихъ очеркахъ.

I.

Вопросъ о разграниченіи компетенціи мировыхъ (мѣстныхъ) и общихъ судовъ въ теоріи процесса разработанъ очень мало, или, лучше сказать, онъ разработанъ крайне одно-сторонне. Задача, очевидно, стоитъ такъ: всю массу возникающихъ въ странѣ гражданскихъ дѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя по какимъ-либо особымъ соображеніямъ направляются въ спеціальныя суды (волостныя, коммерческіе, духовныя; на западѣ еще профессиональныя или ремесленные¹⁾), по суммѣ иска дѣлятъ на двѣ части и для каждой изъ нихъ организуютъ особую вѣтвь юстиціи: мировую и общую²⁾. Но почему требуются именно

¹⁾ Оговариваюсь еще разъ и для всего послѣдующаго изложенія, что я говорю здѣсь исключительно о гражданской юрисдикціи.

²⁾ Конечно, имѣются основанія для распредѣленія дѣлъ между общими и мировыми судами, независимо отъ цѣнности иска, но я пока оставляю ихъ въ сторонѣ.

¹⁾ Кромѣ дѣлъ, которыя можно назвать сельско-хозяйственными, какъ, напр., о земельной арендѣ, о наймѣ рабочихъ людей въ сельскомъ хозяйствѣ и т. п., гдѣ была оставлена прежняя компетенція до 500 р.

двѣ вѣтви, а не три, или четыре? Или почему существуетъ самое дѣленіе на двѣ части, а не разбираютъ всѣхъ дѣлъ въ одинаково организованныхъ судахъ, равномерно разсѣянныхъ по территоріи? Или, если ужъ дѣлить юстицію именно на двѣ вѣтви, не больше и не меньше, то почему граница между ними проводится (по цѣнности иска) именно на такой, а не на иной высотѣ,—всѣ эти вопросы нынѣшней теоріей съ достаточной критической глубиной разсмотрѣны. Какъ это часто бываетъ въ наукахъ, непосредственно соприкасающихся съ практикой, разрѣшеніе проблемы дается жизненно-удачное, но почему оно именно таково, это въ достаточную ясность не приведено. Даются, правда, объясненія, и они даже считаются удовлетворительными, но такъ какъ они все же не захватываютъ проблемы во всей ея глубинѣ, то они и не гарантируютъ отъ такихъ практическихъ отступленій отъ принятаго рѣшенія, жизненная непрочность которыхъ, непредвидѣнная теоріей, раскрывается потомъ только непосредственной практикой. Получается, такимъ образомъ, социальный экспериментъ, котораго лучше было бы избѣжать.

Въ данномъ случаѣ объясненіе, даваемое теоріей процесса, какъ извѣстно, таково: юстиція дѣлится на двѣ вѣтви, потому что самыя дѣла, съ матеріальной ихъ стороны, можно раздѣлить на двѣ категоріи: малоцѣнные и (много) цѣнные.

Дѣла малоцѣнные требуютъ для своего разбора особой юстиціи, потому что они не вынесли бы ни очень отдаленнаго, ни очень продолжительнаго разсмотрѣнія. Именно потому, что они малоцѣнны, для нихъ долженъ быть организованъ судъ близкій и скорый. Дѣла цѣнные можно разбирать и дальше, и дольше,—отъ этого они практически не обезцѣниваются; тогда какъ для дѣлъ малоцѣнныхъ этотъ своеобразный налогъ на нихъ въ видѣ отдаленной, мало доступной и продолжительной судебной процедуры, былъ бы рѣшительно непосиленъ; какъ говорится, игра для нихъ въ этомъ случаѣ не стоила бы самихъ свѣчъ, и если бы гражданъ заставляли обращаться съ этими дѣлами въ отдаленные отъ нихъ и очень сложные суды, то они предпочитали бы совсѣмъ обходиться безъ офиціального правосудія.

Соображенія эти сами по себѣ и, какъ таковыя, имѣютъ извѣстное значеніе; въ нихъ содержится своя доля истины. Однако, несомнѣнно, полнаго объясненія тому явленію, которое ими стараются объяснить, они все же не даютъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ говорятъ, что для малоцѣнныхъ дѣлъ нуженъ судъ близкій и скорый, а развѣ для многоцѣнныхъ дѣлъ эти качества въ судѣ нежелательны? И если это такъ, то зачѣмъ для нихъ создавать непременно какіе то болѣе отдален-

ные и болѣе сложные суды? Почему и ихъ не разбирать въ болѣе близкихъ и въ болѣе скорыхъ, т. е., въ такъ называемыхъ, мѣстныхъ судахъ? Иными словами, почему въ судоустройствѣ не ограничиться только одной системой мѣстныхъ и близкихъ судовъ? Вспоминая здѣсь предположеніе думской комиссіи—передать въ мировой судъ также и дѣла цѣнностью отъ 500 до 1000 рублей, невольно является вопросъ: если бы это было, дѣйствительно, хорошо, то почему не передать тѣмъ же мировымъ судамъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, на какую бы сумму они ни были? Вѣдь, была же когда-то у римлянъ, напр., формулярная система судопроизводства, и она была единой, черезъ нее одинаково проходили какъ крупныя, такъ и мелкія дѣла,—почему того же не сдѣлать и у насъ? Въ отвѣтъ на всѣ эти недоумѣнія обыкновенно говорятъ, что болѣе продолжительная и болѣе сложная процедура создается ради того, что, такимъ образомъ, не жалѣя на нее времени и издержекъ, ее можно сдѣлать болѣе основательной: судъ сдѣлать коллегіальнымъ и составить изъ опытныхъ юристовъ, а самое производство сдѣлать болѣе медленнымъ, болѣе сложнымъ, а потому и болѣе осторожнымъ и осмотрительнымъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что къ услугамъ болѣе цѣнныхъ дѣлъ, какъ бы, предоставляется болѣе дорогое, а потому и болѣе основательное правосудіе; тогда какъ дѣламъ малоцѣннымъ приходится довольствоваться правосудіемъ полегче и подешевле.

Но когда мы доходимъ до этихъ выводовъ, которые я умышленно выразилъ въ столь яркой формѣ, въ какой ихъ обыкновенно не выражаютъ, то здѣсь у насъ поднимается цѣлый рядъ возраженій, которыя я и отмѣчу тотчасъ, хотя бы самымъ краткимъ образомъ.

Не говоря уже о социальной сторонѣ дѣла, о новой судебной привилегіи въ пользу богатыхъ и въ ущербъ менѣе состоятельныхъ, что уже само по себѣ способно было бы заставить задуматься надъ такой системой правосудія, которая была бы различной для богатыхъ и бѣдныхъ, если бы она, дѣйствительно, содержала въ себѣ подобный порокъ, но даже и независимо отъ этого,—не поднимая здѣсь этого обостреннаго социального вопроса и оставаясь въ предѣлахъ задачъ чистаго правосудія, мы можемъ сослаться на очень серьезныя возраженія противъ изложенныхъ ходячихъ утвержденій. Первое изъ нихъ вытекаетъ изъ слѣдующаго.

Новѣйшее движеніе процесса, какъ извѣстно, въ предѣлахъ самой общей юстиціи наряду съ основной медленной и сложной процедурой, отягченной, такъ называемой, письменной подготовкой дѣла, растянутой множествомъ сроковъ всякихъ обжалованій, отсрочекъ, осложненной возможностью отводовъ, встрѣчныхъ исковъ, заочныхъ рѣшеній и т. п., выдвинуло

также и рядъ сокращенныхъ формъ, гдѣ всевозможныя предосторожности этой основной, длинной и сложной, процедуры—все больше и больше ослабляются и даже совсѣмъ выкидываются. Оставаясь, въ этомъ отношеніи, въ предѣлахъ нашего устава гражданского судопроизводства, приходится указать прежде всего на, такъ называемое, „сокращенное“ производство, предусмотрѣнное уже первоначальной редакціей нашего устава, а затѣмъ на производство „упрощенное“, введенное закономъ 1891 года. Въ этихъ „сокращенныхъ“ и „упрощенныхъ“ формахъ процесса весьма многое изъ тѣхъ, въ чемъ выражается „осторожность“ и „осмотрительность“ основной, длительной и сложной, процедуры, какъ уже сказано, выкидывается. Спрашивается,—почему и для чего? Неужели для того, чтобы сдѣлать правосудіе „менѣе основательнымъ“? Но, вѣдь, и въ этихъ сокращенныхъ и упрощенныхъ „порядкахъ“ разбираются дѣла цѣнные,—столь же цѣнные, какъ и тѣ, которыя разсматриваются въ основномъ „растянутомъ“ (какъ его называетъ проф. Цитовичъ) порядкѣ,—значить расходы на „основательность“ правосудія они вполне способны выносить,—почему же для нихъ „основательность“ правосудія понижается? Или, можетъ быть, она вовсе и не понижается?

Послѣдній отвѣтъ, какъ извѣстно, и есть правильный. Качество правосудія въ этихъ сокращенныхъ и упрощенныхъ формахъ нисколько не ухудшено, а они просто предназначены для болѣе простыхъ по своей юридической структурѣ дѣлъ, гдѣ именно вслѣдствіе этого и самый процессъ изслѣдованія дѣла можно сдѣлать болѣе простымъ и сокращеннымъ. Совершенно аналогично тому, какъ физикъ или химикъ, въ зависимости отъ большей или меньшей сложности изслѣдуемаго имъ агрегата, прибѣгаетъ то къ болѣе простымъ, то къ болѣе сложнымъ приѣмамъ изслѣдованія.

Итакъ, мораль, которую намъ приходится извлечь изъ только что изложеннаго, заключается въ томъ, что „основательность“ правосудія вовсе не связана съ сложностью и длительностью его формъ; даже „коллегіальность“ суда, какъ извѣстно, столь его удерживающая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдаляющая отъ тяжущихся, какъ оказывается, вовсе не всегда и не вездѣ требуется.

Дѣла юридически простыя, хотя и очень цѣнные, въ „упрощенномъ“ порядкѣ передаются на разсмотрѣніе единоличнаго судьи. Слѣдовательно, все зависитъ въ данномъ случаѣ отъ простоты дѣла: дѣла юридически несложныя поддаются вполне основательно разрѣшенію въ простомъ и, сравнительно, быстромъ производствѣ.

Замѣтимъ, однако, сейчасъ же, что эта только что извлеченная нами изъ разсмотрѣнныхъ формъ процесса „мораль“ къ „мѣстному“ или „малоцѣнному“ суду можетъ имѣть только

отрицательное, но не положительное отношеніе. Она только доказываетъ, что „основательность“ правосудія вовсе не связана съ его сложностью или длительностью; иными словами, она доказываетъ, что процессъ быстрый и простой, если онъ только примѣняется къ надлежащимъ дѣламъ, можетъ давать нисколько не худшіе или, можетъ быть, даже лучшіе (въ смыслѣ основательности) результаты, чѣмъ процессъ громоздкій и длительный въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ его, по необходимости, приходится примѣнять. Сдѣлать дальнѣйшій выводъ, а именно: предположить, что мировая юстиція можетъ быть быстрой и простой, потому что „малоцѣнные“ дѣла также всегда бываютъ просты,—было бы уже неправильно. Совершенно очевидно, что и малоцѣнное дѣло можетъ быть (хотя, можетъ быть, и рѣже, чѣмъ дѣла многоцѣнные) столь же сложнымъ по своей структурѣ, какъ и дѣло многоцѣнное. И что дѣло здѣсь вовсе не въ одной „простотѣ“ дѣла, а въ чемъ то иномъ, это, съ другой стороны, доказывается тѣмъ, что для „простыхъ“ цѣнныхъ дѣлъ создаются, правда, „упрощенныя“ формы, однако, въ предѣлахъ все той же общей юстиціи.

Между тѣмъ какъ, если бы мировая юстиція была построена иначе, чѣмъ общая, именно и только въ силу того, что „малоцѣнные“ дѣла всегда просты, то тогда и „простыя“ цѣнные дѣла оставалось бы только направлять въ мировые суды, чего мы, на самомъ дѣлѣ, не видимъ. Очевидно, что специфичность формъ мирового судопроизводства рассчитана на какія-то иныя свойства малоцѣнныхъ дѣлъ, а вовсе не на ихъ непремѣнную простоту.

Второе возраженіе противъ ходячихъ утвержденій объ основаніяхъ разграниченія мѣстной и общей юстиціи вытекаетъ изъ слѣдующаго.

Говорятъ, что малоцѣнное дѣло не выносить слишкомъ сложной, длительной и отдаленной юстиціи. Да, до извѣстной степени, это вѣрно; однако, далеко не слѣдуетъ того, что здѣсь выражено, преувеличивать. Приближеніе, ускореніе и упрощеніе судебной процедуры для дѣлъ малоцѣнныхъ гораздо болѣе желательны и важны, чѣмъ для дѣлъ многоцѣнныхъ. Въ эту сторону непремѣнно должны быть направлены усилія законодателя. Однако, эти усилія все же не должны переходить извѣстной границы, а именно, они не должны идти въ ущербъ самому качеству правосудія. Вѣдь мировая юстиція вовсе не предназначена быть по своей простотѣ какой-то гражданской военно-полевой юстиціей. Нѣтъ, мировая юстиція должна быть въ такой же мѣрѣ правосудной, какъ и юстиція общая. Въ правильномъ и справедливомъ рѣшеніи одинаково нуждается всякое дѣло, какъ многоцѣнное, такъ и малоцѣнное. Въ области правосудія меньше всего были бы умѣстны привилегіи въ пользу богатыхъ. Бѣднымъ вовсе не должны отдаваться

какіе-то „отбросы“ правосудія. Правосудіе есть одна изъ важнѣйшихъ основъ общества. Его наличность смягчаетъ многія другія соціальныя неравенства; его отсутствіе—заставляетъ ихъ терпѣть въ удесятеренной степени. И пусть не говорятъ, что малоцѣнное дѣло лучше рѣшить не такъ тонко-справедливо, да поскорѣе. Да, для каждаго отдѣльнаго дѣла, взятаго совершенно изолированно, это, можетъ быть, и вѣрно, но для всего юридическаго быта—это совершенно невѣрно. Не надо забывать того, что каждое справедливо рѣшенное дѣло—большое, или малое, это все равно—благодѣтельно вліяетъ на цѣлый рядъ другихъ, завязанныхъ, или даже еще не завязанныхъ между гражданами юридическихъ отношеній. И, наоборотъ, всякое несправедливо рѣшенное дѣло вліяетъ пагубно на весь юридическій бытъ. И если то или иное неправильное судебное рѣшеніе явилось случайно, то это еще не велика бѣда, ибо оно, дѣйствительно, отражается только на единичномъ случаѣ и не подрываетъ общей вѣры въ правосудіе, такъ же, какъ и расчетовъ, съ нимъ связанныхъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Но если неправильныя и неправосудныя рѣшенія часто повторяются, если ихъ неправосудіе оказывается зависящимъ отъ недобросовѣстности или отъ плохой организаціи судовъ,—тогда это роковымъ образомъ отражается на всемъ юридическомъ бытѣ. Огромная соціальная разница оказывается при такомъ состояніи страны, когда „есть судъ въ Берлинѣ“, или когда его нѣтъ. Судъ долженъ „быть“ для всякаго дѣла и онъ долженъ быть правильнымъ. Съ точки зрѣнія цѣлаго юридическаго быта судебную процедуру надо ускорять и упрощать, но ни въ коемъ случаѣ не въ ущербъ правосудію. Отсюда прямо вытекаетъ, что, въ сущности, вопросъ объ ускореніи и упрощеніи судопроизводства стоитъ совершенно одинаково, какъ для дѣлъ малоцѣнныхъ, такъ и для дѣлъ многоцѣнныхъ, т. е. для юстиціи общей одинаково, какъ и для юстиціи мировой. И созданіемъ „упрощенныхъ“ формъ тамъ, гдѣ это не идетъ въ ущербъ правосудію, общій процессъ сталъ рѣшительно на этотъ путь. Очевидно, что для мировой юстиціи, которую, обыкновенно, считаютъ *par excellence* простой и быстрой, приходится подчеркивать противоположную истину, а именно ту, что ея упрощенія и ускоренія ни въ коемъ случаѣ нельзя доводить до того, чтобы отъ этого она терпѣла въ своей правосудности. Основнымъ качествомъ мировой юстиціи, также какъ и общей, должно оставаться правосудіе; скорость и простота—качества для нея очень желательныя (пожалуй, въ большей степени, чѣмъ для юстиціи общей), но все же второстепенныя и подчиненныя.

Изложенное, какъ намъ кажется, показываетъ, что, даже еще не вникая въ существо самой мировой юстиціи, нельзя уже усмотрѣть боль-

шихъ основаній къ тому, чтобы усомниться въ томъ, будто „разгадка“ мѣстнаго суда заключается просто въ томъ, что онъ отличается отъ судовъ общихъ „простотой“ своихъ процессуальныхъ формъ, „скоростью“ самой процедуры, а также „близостью“ къ населенію и „дешевизной“ юстиціи. Всѣ указанные качества ему присущи; однако, не въ нихъ самое „существо“ этой юстиціи. Они составляютъ только ея внѣшнюю характеристику, а для того, чтобы дать себѣ критическій отчетъ въ отличіи мѣстной юстиціи отъ общей, надо непременно добратъ до ея внутреннихъ качествъ. Мѣстная юстиція нисколько не „хуже“ и не „легковѣснѣе“ общей, также какъ она не „скорѣе“ и не „проще“, на примѣръ, нашего „упрощеннаго“ порядка или нѣмецкаго „*Urkundenprozess*“а. Она отличается отъ общей юстиціи не нѣкоторыми внѣшними качествами, а самымъ своимъ внутреннимъ существомъ. Безъ раскрытія этого существа правильное пониманіе ея невозможно. Уяснить себѣ это существо—это и составляетъ центральную задачу всего ученія о мѣстномъ судѣ. Къ этой задачѣ мы теперь и обратимся.

II.

При уясненіи себѣ „существа“ мировой юстиціи обязательно, на нашъ взглядъ, исходить изъ того положенія, что она должна давать „правосудіе“ столь же высокаго качества, какъ и юстиція общая. Если бы это было не такъ, то вся разница между ними сводилась бы только къ различію между „худшимъ“ и „лучшимъ“ судомъ, и тогда оставалось бы только уничтожить эту разницу между ними и организовать ихъ одинаково, притомъ непременно по болѣе высокому образцу.

Итакъ, мы исходимъ изъ того положенія, что суды мѣстные даютъ населенію такое же правосудіе, какъ и суды общіе. Тогда почему же они иначе организованы и иначе действуют? Очевидно, это можетъ зависѣть только отъ того, что достиженіе правосудія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя подлежатъ ихъ разбору, производится въ какой-то иной обстановкѣ, а потому и требуетъ какихъ-то иныхъ приѣмовъ, чѣмъ въ юстиціи общей.

Въ чемъ же можетъ, однако, заключаться эта иная обстановка и по какой причинѣ могутъ требоваться иные приѣмы судебного разсмотрѣнія?

Какъ извѣстно, задача всякаго суда при разборѣ имъ подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ распадается на двѣ существенно различныхъ части; чтобы постановить рѣшеніе по дѣлу, судъ во 1), долженъ установить, какъ оно было, его фактическую подкладку или его фактическую сторону и, во 2), правильно оцѣнить установленный фактический составъ дѣла съ юридической точки зрѣнія. Такимъ образомъ, установленіе фактическаго состава

дѣла и его юридическая квалификация—это и есть то, на что направлены усилия всякаго суда и къ чему сводится всегда судебная работа.

Но если это такъ, то гдѣ же слѣдуетъ искать причины для разницы въ организаціи разныхъ судовъ—въ особенностяхъ и различіи фактическаго состава тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ ихъ вѣдѣнію, или въ разницѣ ихъ юридической квалификаціи?

На первый взглядъ весьма соблазнительнымъ представляется искать эту разницу, именно, въ фактическомъ составѣ дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, различныя гражданскія отношенія, а, слѣд., и возникающія изъ нихъ гражданскія дѣла, могутъ имѣть подъ собою весьма различную фактическую почву. Одни могутъ возникать въ деревнѣ, на почвѣ сельско-хозяйственной жизни, другія—въ городѣ, на почвѣ торговаго оборота, третьи—на фабрикѣ, въ области производства и промышленности. Одни могутъ имѣть подъ собою факты обыденные, легко поддающіеся общежитейскому наблюденію и доступные пониманію всякаго; другіе, наоборотъ, могутъ имѣть подъ собою факты спеціальные, недоступные ни наблюденію, ни пониманію профановъ. Наконецъ, сколько есть особенныхъ, болѣе или менѣе отграниченныхъ другъ отъ друга, областей жизни, столько можно себѣ представить и разныхъ разрядовъ дѣлъ, отличающихся между собою по своей фактической основѣ... И весьма соблазнительной представляется мысль, что если ужъ не для всѣхъ мелкихъ подраздѣленій гражданской жизни, то, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ, самыхъ крупныхъ ея отдѣловъ, слѣдовало бы организовать и особые суды, приспособивъ ихъ какъ по составу личнаго персонала, такъ и по приѣмамъ судебного разслѣдованія къ особенностямъ попадающаго къ нимъ различнаго фактическаго матеріала.

Однако, на самомъ дѣлѣ оказывается, что различіе въ фактическомъ составѣ дѣлъ само по себѣ, сравнительно, мало вліяетъ на различіе въ организаціи судовъ, и поскольку его можно было бы все таки констатировать въ исторіи судопроизводства, оно, несомнѣнно, постоянно уменьшается. Что же касается системы уже современныхъ намъ судовъ, то остатки этого вліянія или находится въ процессѣ вымирания, какъ это можно сказать по отношенію къ коммерческимъ судамъ, или они просто отсутствуютъ. Конечно, само различіе въ фактическомъ составѣ дѣлъ не только не можетъ уничтожиться, но оно не можетъ не требовать для установленія особыхъ, недоступныхъ общежитейскому пониманію фактовъ, также и особыхъ, спеціальныхъ познаній. Но современное судопроизводство удовлетворяетъ этому требованію не установленіемъ различій въ организаціи судовъ и не направленіемъ различныхъ по своему фактическому составу

дѣлъ въ разные суды, а совершенно инымъ путемъ,—именно посредствомъ института экспертизы. Самые разнообразныя спеціалисты всегда къ услугамъ современныхъ судовъ, и эти послѣдніе, съ ихъ помощью, удачно справляются со всевозможными, самыми необычными фактическими составами дѣлъ. Необходимое приспособленіе введено такимъ образомъ, но не въ самую организацію, а только въ функционированіе судебныхъ учреждений.

Но если основаній для разницы въ организаціи и процедурованіи разныхъ судовъ не приходится въ настоящее время искать въ различіи фактическаго состава тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ ихъ разсмотрѣнію, то ее остается искать лишь въ ихъ юридической квалификаціи. Очевидно, именно здѣсь только и можно найти достаточныя основанія для того, чтобы одни суды организовать иначе, чѣмъ другіе. И что это такъ и есть, это мы можемъ провѣрить, прежде всего, на судахъ спеціальныхъ. Почему существуютъ у насъ особые волостные суды? Потому, что имъ приходится рѣшать дѣла на основаніи такихъ нормъ (обычнаго права), которыя точно не фиксированы, мало извѣстны, а потому и мало доступны людямъ не изъ крестьянской среды. Я не могу поднимать здѣсь вопроса о томъ, слѣдуетъ ли сохранять особые волостные суды, или же крестьянскія дѣла уже теперь можно было бы передать хорошему мѣстному суду, если бы онъ былъ у насъ организованъ (лично я склоняюсь къ послѣднему), но и безъ этого ясно, что *raison d'être* для существованія особыхъ волостныхъ судовъ, какъ они существуютъ и пока они существуютъ, связанъ не съ фактическими особенностями крестьянскихъ дѣлъ, а только съ той особой системой юридическихъ нормъ, (обычнаго права), которыя къ нимъ должны примѣняться. Судья долженъ быть знатокомъ и хозяиномъ тѣхъ нормъ, „которыя ему надлежитъ примѣнять къ дѣламъ (*iura novit curia*); судья, который нуждался бы въ чужой помощи при примѣненіи имъ юридическихъ нормъ былъ бы плохимъ или даже негоднымъ судьей; помогать незнанію или недостаточному знанію судьи при юридической квалификаціи разбираемыхъ имъ дѣлъ путемъ чьей нибудь посторонней юридической экспертизы—это значило бы снять съ судьи ответственность за правосудность постановляемаго имъ рѣшенія и не возлагать ее ни на кого другого. Подобный приѣмъ современная юстиція, если не отвергаетъ совсѣмъ (напр., это допускается по необходимости при примѣненіи иностранныхъ законовъ, или иногда при примѣненіи того же обычнаго права), то, во всякомъ случаѣ, старается его избѣгать, организуя особые, спеціальные суды для тѣхъ областей, гдѣ обыкновенный судья-юристъ не можетъ быть полнымъ хозяиномъ подлежащихъ примѣненію нормъ. И самый вопросъ о пере-

дачѣ крестьянскихъ дѣлъ обыкновенному мѣстному суду, несомнѣнно, находится въ прямой зависимости отъ того, можетъ ли оказаться мѣстный судья хорошимъ знатокомъ крестьянскихъ обычаевъ своей мѣстности или нѣтъ? Фактически на этотъ вопросъ получается утвердительный отвѣтъ, когда крестьянская жизнь теряетъ свою замкнутость и обособленность, когда она начинаетъ сливаться съ жизнью остальныхъ обывателей мѣстности въ одинъ общій потокъ и когда сами крестьяне получаютъ склонность „отвыкать“ отъ своихъ особыхъ обычаевъ и „привыкать“ къ общему закону. Я полагаю, что если у насъ не было этихъ условій при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (когда у насъ были учреждены волостные суды), то что теперь эти условія въ значительной мѣрѣ уже созрѣли и что намъ уже пора (какъ это и проектировала комиссія государственной думы) уничтожить наши волостные суды, передавъ мировому суду тѣ дѣла, которыя подлежали ихъ разбору.

Какъ бы то ни было, но мы съ ясностью видимъ, что причины для учрежденія волостныхъ судовъ были тѣсно связаны съ существованіемъ у крестьянъ своего, родного, разнаго въ разныхъ мѣстахъ, обычнаго права, т. е. они лежали въ условіяхъ юридической квалификаціи крестьянскихъ дѣлъ, а не ихъ фактическихъ особенностей.

Если бы мы съ этой точки зрѣнія взглянули на нашу духовную юрисдикцію (ограниченную теперь, какъ извѣстно, только дѣлами брачными—о расторженіи браковъ и о признаніи ихъ недѣйствительными), то мы бы увидѣли то же самое. Почему обыкновенный гражданскій судья считается у насъ некомпетентнымъ въ рѣшеніи вопросовъ о разводѣ и о признаніи браковъ недѣйствительными? Единственно потому, что нашъ законодатель и донинѣ стоитъ здѣсь на церковной точкѣ зрѣнія. Пока бракъ и въ гражданскомъ законѣ разсматривается, какъ таинство, а не какъ актъ гражданской жизни, передача развода исключительно въ вѣдѣніе гражданскихъ судовъ является невозможной, такъ какъ, очевидно, гражданскій судья не можетъ быть признанъ компетентнымъ въ юридической квалификаціи относящихся сюда фактовъ, ибо рѣшается здѣсь участь церковнаго таинства, а не гражданского акта. Въ установленіи самой фактической стороны этихъ дѣлъ онъ, конечно, вполне компетентенъ, какъ и во всякихъ другихъ дѣлахъ, но въ юридическомъ выводѣ и санкціи его—нѣтъ, до тѣхъ поръ пока бракъ долженъ признаваться имъ за таинство. И, можетъ быть, лучшей иллюстраціей сказаннаго является существующій у насъ проектъ передачи брачныхъ дѣлъ—съ ихъ фактической стороны—въ общіе суды, съ оставленіемъ за духовными консисторіями права давать имъ окончательную церковную квалификацію.

Я не хочу здѣсь касаться, съ этой же точки зрѣнія, коммерческихъ судовъ и очень интересныхъ (у насъ не существующихъ) ремесленныхъ или профессиональныхъ судовъ, ибо это заставило бы меня прибѣгнуть, для объясненія ихъ обособленнаго существованія, къ тому ряду мыслей, которыя мнѣ придется мобилизовать для рациональнаго объясненія существованія и необходимости особыхъ мѣстныхъ судовъ, — а это было бы крайне неудобнымъ предвареніемъ моихъ основныхъ мыслей во всемъ этомъ вопросѣ, — но я коснусь вкратцѣ и ихъ, когда мы покончимъ съ нашей главной, здѣсь разрѣшаемой задачей.

Итакъ, оснований и резоновъ для обособленія системы мѣстныхъ судовъ отъ судовъ общихъ мы должны искать въ особенностяхъ юридической квалификаціи тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ ихъ компетенціи. На первый взглядъ этотъ выводъ можетъ показаться парадоксальнымъ. Какая же особая юридическая квалификація можетъ быть для дѣлъ малоцѣнныхъ по сравненію съ дѣлами многоцѣнными, если они ничѣмъ другимъ, кромѣ этой арифметической разницы, отъ послѣднихъ не отличаются? Развѣ они судятся не по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и дѣла крупныя? И развѣ можетъ что-нибудь въ юридической квалификаціи зависѣть отъ простой разницы въ цѣнности дѣла? Неужели искъ на сумму 500 руб. долженъ, съ юридической стороны, обсуждаться такъ, а на сумму 501 р. совсѣмъ иначе? Можетъ ли это быть?

Основной задачей всего послѣдующаго моего изложенія явится доказательство того, что это именно такъ и есть. Я постараюсь показать, что это—не парадоксъ, а та центральная истина въ ученіи о природѣ мѣстнаго суда, безъ которой невозможно понять, какъ самой необходимости его обособленія отъ общихъ судовъ, такъ и его особой компетенціи и особаго устройства. Съ этой истиной въ рукахъ мы съ ясностью увидимъ, почему не слѣдуетъ расширять матеріальной компетенціи мировыхъ судовъ выше той суммы, какая была сдѣлана имъ по уставамъ 1864 г.; почему эти суды у насъ должны быть „выборными“; почему апелляціонной инстанціей для нихъ не можетъ быть окружный судъ; наконецъ, почему они заслуживаютъ названія „мировыхъ“ и въ чемъ смыслъ этого названія? Словомъ, здѣсь мы найдемъ ключъ къ правильному пониманію всего института мѣстныхъ мировыхъ судовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Гредескулъ.

Требование выдачи 55 депутатов.

Обвинение, предъявленное къ 55 членамъ соц.-демократической фракціи, т. е. ко всему ея составу, было направлено не къ отдѣльнымъ ея членамъ, а къ фракціи, какъ таковой. Требование, обращенное къ думѣ, преслѣдовало цѣль изыятія изъ среды думы не отдѣльных ея членовъ, а всей фракціи. Уже на первый взглядъ такое требование представляется непонятнымъ и неестественнымъ. Можно утверждать, что количество представителей опредѣленнаго политическаго теченія въ представительномъ учрежденіи не соотвѣтствуетъ значительности даннаго политическаго направленія, но требовать отсутствія и притомъ полного представителей партіи, имѣющей распространение въ странѣ, и законно выбранныхъ въ думу, является *non sens*’омъ. Такое требование могло бы находить себѣ обоснованіе въ конкретныхъ условіяхъ дѣятельности или опредѣленныхъ дѣйствіяхъ и ближайшихъ цѣляхъ данной группы лицъ—и при томъ такихъ дѣйствіяхъ и цѣляхъ, которыя выходили бы за предѣлы и рамки дѣятельности той партіи, представителями которой эти лица являются. Иначе противорѣчіе получилось бы слишкомъ нетерпимое. Люди выступаютъ предъ избирателями съ опредѣленной программой, даютъ обѣщаніе означенную программу осуществить, съ этимъ идутъ въ думу, проходятъ на основаніи и на условіяхъ своей программной платформы, являются съ этимъ въ думу, открыто выступаютъ съ заявленіями отъ имени партіи соц.-демократовъ, открыто заявляютъ себя членами соц.-демократической партіи—и вдругъ имъ говорятъ: отнынѣ вы не можете больше находиться въ думѣ и подлежите судебной отвѣтственности. Каковы же эти ближайшія цѣли и конкретныя дѣйствія, изъ-за которыхъ правительство предъявило думѣ требованіе о выдачѣ этихъ лицъ?

Обвинение, предъявленное къ этимъ лицамъ, формулировано по 102 ст. угол. улож. и имѣетъ своимъ предметомъ непосредственное ниспроверженіе существующаго государственнаго строя. Въ соотвѣтствіи съ этими существенными признаками преступленія обвиненіе изложено слѣдующимъ образомъ: „55 членовъ государственной думы образовали въ 1907 г. въ г. С.-Петербургѣ подъ именемъ социаль-демократической думской фракціи преступное сообщество, которое составило заговоръ для насильственнаго ниспроверженія посредствомъ народнаго возстанія установленнаго основными законами образа правленія, лишенія государя императора верховной власти и учрежденія демократической республики“.

Очевидно, что образованіе соц.-демократической думской фракціи само по себѣ не преступленіе, ибо является результатомъ избранія въ думу соц.-демократовъ, которые въ своей совокупности составили фракцію, какъ равно и образованіе комитета или бюро фракціи не можетъ почитаться преступнымъ, будучи естественнымъ и необходимымъ явленіемъ думской жизни и проявленіемъ дѣятельности въ думѣ. Преступленіемъ оно становится при условіи составленія заговора съ указанной выше цѣлью. Въ этой

поставленной фракціей себѣ ближайшей и непосредственной цѣли заключался бы весь центръ тяжести, только въ ней, но это именно и необходимо установить. Это, какъ принято выражаться въ математикѣ, — условіе необходимое и достаточное.

Обратимся же къ постановленію судебного слѣдователя.

Наличность обвиненія устанавливается слѣдующими положеніями:

1) 5 мая въ помѣщеніе фракціи (въ квартиру члена думы Озоля) былъ доставленъ неизвѣстными солдатами наказъ, озаглавленный „въ социаль-демократическую рабочую фракцію государственной думы отъ военныхъ частей петербургскаго гарнизона“.

Естественно возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1) Гдѣ самый наказъ?

2) Въ чемъ его содержаніе?

3) Кто его принесъ?

4) Каково отношеніе фракціи или хотя бы отдѣльных ея членовъ (ибо фракція разсматривается, какъ сообщество, и дѣйствіе одного члена создаетъ отвѣтственность для всѣхъ), до момента его доставленія.

5. Каково отношеніе ея по доставленіи?

Совокупностью отвѣтовъ на поставленные вопросы опредѣляется виновность фракціи.

1. Прежде всего оказывается, что наказа нѣтъ. Его не нашли въ помѣщеніи фракціи, не смотря на внезапный обыскъ, произведенный на квартирѣ Озоля. Копія этого наказа оказалась въ охранномъ отдѣленіи, откуда она была доставлена судебному слѣдователю. А что это была копія этого именно наказа устанавливается допросомъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, нижнихъ чиновъ, приносившихъ означенный наказъ. Возможно ли установить точность копіи по памяти полуграмотнаго солдата? Можно на премію предложить любому литературно образованному человѣку возстановить буквально по памяти текстъ имъ же составленной бумаги (а не то, что другимъ лицомъ) безъ риска уплатить эту премію. Человѣкъ съ хорошей памятью можетъ припомнить содержаніе, но буквальный текстъ? Возможенъ ли такой порядокъ установленія „копій“, т. е. безусловно тождественнаго содержанія? Но допустимъ, что это возможно. Какимъ образомъ, однако, копія этого наказа, отнесеннаго нижними чинами въ помѣщеніе фракціи, оказалась въ охранномъ отдѣленіи? Нужно допустить, что копія наказа доставлена охранному отдѣленію однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя приносили его въ помѣщеніе соц.-демократической фракціи. По сравненію съ составленіемъ вымышленныхъ свидѣтельскихъ показаній отъ несуществующихъ свидѣтелей о несуществовавшихъ фактахъ¹⁾ такое творчество является младенческимъ.

Но пусть наказъ былъ. Пусть его принесли нижніе чины. Причемъ же здѣсь фракція или отдѣльные ея члены? Оказывается, что наказъ этотъ заказанъ былъ членомъ думы Герусомъ, принадлежавшимъ къ соц.-демократической фракціи. Очевидно, что Герусу ва-

¹⁾ Какъ было въ брянскомъ процессѣ и обнаружилось въ засѣданіи харьковской судебной палаты.

жень былъ, при заказѣ, не самый фактъ принесенія наказа, а извѣстное его содержаніе. По этому предмету мы читаемъ въ постановленіи судебного слѣдователя: „Герусъ говорилъ, что нужно, чтобы вся армія стала скорѣе сознательной, а то, если теперь правительство распуститъ думу, то ей еще нельзя опереться на войска, и народное дѣло опять будетъ проиграно. (Отсюда слѣдуетъ, что Герусъ отрицалъ возможность народнаго возстанія). Затѣмъ Герусъ перешелъ къ вопросу о составленіи наказа отъ воинскихъ частей въ государственную думу и говорилъ, что наказъ этотъ нужно дать ему, члену думы, а онъ передастъ его въ думу (Герусъ, стало быть, имѣлъ въ виду совершенно невинный путь—сообщеніе думѣ), и что въ наказѣ этомъ нужно изложить требованія о разныхъ льготахъ для солдатъ, объ освобожденіи мобилизованныхъ частей, о сокращеніи часовъ занятій, о неносеніи формы въ свободное время и о свободномъ по желанію уходѣ изъ казармъ (курсивъ нашъ)“. И все? Нѣтъ. — „При этомъ Герусъ обѣщалъ, что государственная дума разсмотритъ этотъ наказъ и войдетъ въ положеніе солдатъ и высказывалъ надежду, что когда солдаты будутъ больше читать газеты и книги, они скорѣе сдѣлаются сознательными и тогда сами поймутъ, гдѣ правда, и станутъ сторонниками думы“. Теперь все. Ну, развѣ не прямой призывъ къ вооруженному возстанію? Развѣ не непосредственное стремленіе къ созданію демократической республики?!

Но посмотримъ, каково отношеніе заговорщиковъ къ наказу по его доставленію?

„По приходѣ нижнихъ чиновъ“, — читаемъ мы дальше,—„въ квартиру Озоля, къ нимъ подошелъ одинъ изъ членовъ государственной думы и спросилъ: „что вамъ, солдатики, нужно?“ На это пришедшій нижній чинъ подалъ наказъ и обратился съ просьбой сдѣлать для солдатъ, что возможно. Членъ думы, принявшій наказъ, удалился въ другую комнату и вскорѣ вышелъ въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ членовъ государственной думы, изъ коихъ одинъ прочиталъ наказъ и сказалъ солдатамъ: „хорошо, мы этотъ наказъ разсмотримъ и обсудимъ и передадимъ въ комитетъ“. Вслѣдъ затѣмъ члены думы сказали имъ, что сейчасъ они ничего опредѣленнаго сказать не могутъ, но что они сдѣлаютъ всевозможное“.

И все? опять спросимъ мы. Да.

Итакъ, по изложенію слѣдственной власти, членамъ соц.-демократической фракціи, по ихъ настоянію, представленъ былъ наказъ отъ нижнихъ чиновъ, съ изложеніемъ ихъ скромныхъ нуждъ, а члены фракціи, не обѣщавъ ничего опредѣленнаго, сказали, что сдѣлаютъ все возможное. Гдѣ же составъ преступленія—заговора съ цѣлью учрежденія демократической республики?..

II. Приведенный наказъ, сообщенный слѣдственной власти въ копіи, послужилъ основаніемъ для производства обыска въ помѣщеніи фракціи, въ виду того, что въ томъ же помѣщеніи могутъ находиться и другія доказательства сношенія „фракціи съ тайно-существующими преступными сообществами“.

Во время обыска найдены слѣдующіе документы.

1) Программа россійской социаль-демократической партіи, изданная 5 сентября 1905 г. съ разрѣшенія цензуры. Въ программѣ имѣются и постановленія съѣзда, касающіяся тактики. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о значеніи цензурскаго разрѣшенія и не касаясь пока вопроса о содержаніи программы, извѣстной всякому, мало-мальски слѣдующему за политической жизнью въ странѣ, достаточно указать, что программа издана въ сентябрѣ 1905 года, т. е. до созыва первой думы когда социалистическія партіи бойкотировали думу. Какъ извѣстно, тактика партіи подверглась коренному измѣненію, бойкотъ былъ отвергнутъ, и социаль-демократія рѣшила идти въ думу. Никакого интереса, кромѣ историческаго, документъ, слѣдовательно, не представляетъ, никакого отношенія къ работѣ думской фракціи, стоящей нынѣ на иной точкѣ зрѣнія, не имѣетъ. Съ точки зрѣнія юридической программа, какъ таковая, пока она не вылилась въ конкретныя дѣйствія, преступления не составляетъ. Съ точки зрѣнія фактической она была известна и раньше. Въ самомъ дѣлѣ, какова цѣнность этого документа, которому постановленіе удѣляетъ много вниманія и на содержаніи котораго строить дальнѣйшее обвиненіе? Удивительное открытіе сдѣлано слѣдственной властью! Въ Россіи существуетъ социаль-демократическая партія, эта партія имѣетъ программу, эта программа напечатана.. Точно всего этого раньше не знали. Если бы во всемъ этомъ и былъ составъ преступления, то чего же смотрѣло правительство, когда на предвыборныхъ избирательныхъ собраніяхъ представители партіи развивали эту программу, и зачѣмъ надо было ждать три мѣсяца со дня съѣзда этихъ людей въ Петербургъ, чтобы признать ихъ преступниками?!...

Слѣдственная власть устанавливаетъ далѣе изъ обзорѣнія найденныхъ документовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, что думская фракція социаль-демократовъ представляетъ собой часть общей россійской социаль-демократической партіи. Казалось бы иначе и быть не можетъ.

Каковы же эти документы? Они дѣлятся на двѣ категоріи: документы, исходящіе изъ фракціи къ партійнымъ организаціямъ на мѣстахъ, и документы присланные съ мѣстъ во фракцію ¹⁾.

2. Письма отъ фракціи. Письма эти содержатъ точный отчетъ о дѣятельности фракціи въ думѣ, объясняя мотивы, которыми фракція руководствовалась, голосуя такъ или иначе. Письма эти въ сокращенномъ видѣ даютъ тотъ матеріалъ, который можетъ быть почерпнутъ изъ стенографическихъ от-

¹⁾ Здѣсь необходима оговорка. За два дня до обыска, произведеннаго судебнымъ слѣдователемъ, въ помѣщеніи фракціи былъ произведенъ полицейскій обыскъ. Полиція застала въ помѣщеніи фракціи тридцать пять членовъ думы и нѣсколькихъ частныхъ лицъ, среди которыхъ ни одного нижняго чина не оказалось. На полу комнаты, въ которой содержались частныя лица, были подобраны неизвѣстно кѣмъ выброшенные документы. Хотя они не имѣютъ никакого отношенія къ виновности членовъ думы, перечень ихъ содержится въ постановленіи.

четовъ думы. Сверхъ того, въ нихъ содержится характеристика другихъ партій. Ни о какомъ заговорѣ въ нихъ нѣтъ и рѣчи.

Интересно отмѣтить, что относясь отрицательно къ тактикѣ партіи народной свободы, социаль-демократическая фракція заявляетъ, что и она стремится къ сохраненію думы. Казалось бы ясно, что ни о какихъ революціонныхъ выступленіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Да и выдержки изъ писемъ, сдѣланныя слѣдственной властью, и содержащія въ себѣ наиболѣе, разумѣется, компрометирующія мѣста говорятъ противъ обвиненія въ ниспроверженіи строя.

Постановленіе приводитъ, какъ обвинительный аргументъ, заявленіе фракціи, что она «вошла въ государственную думу именно затѣмъ, чтобы неустанной работой во всѣхъ отрасляхъ думской дѣятельности, опираясь на законныя права государственной думы (курсивъ нашъ), указывать народу на необходимость поддержки государственной думы въ ея шагахъ, направленныхъ на завоеваніе свободы и подчиненіе себѣ исполнительной власти, и содѣйствовать сплоченію и организаціи народныхъ силъ, и прежде всего пролетаріата.

При письмахъ приложены вопросные и анкетные листки съ просьбой возвратитъ ихъ по заполненіи; дѣлается предложеніе присылать возможно большіе матеріаловъ, свѣдѣній, данныхъ и пр. и пр. Что революціоннаго въ такомъ статистическо-политическомъ освѣщеніи вопросовъ и гдѣ здѣсь непосредственность задуманнаго ниспроверженія, составляющая существенный признакъ состава преступления?

Въ письмѣ, посвященномъ земельному вопросу, фракція говоритъ о необходимости организаціи крестьянъ, о союзѣ ихъ съ городскими рабочими. А! вотъ онъ призывъ къ возстанію, думаете вы! Подождите, читайте дальше:

«И мы обращаемся къ крестьянамъ съ призывомъ—соединяйтесь въ союзы между собой, вступаите въ сношеніе съ городскими рабочими и требуйте отъ государственной думы учрежденія земельных комитетовъ».

3. «Означенныя письма», продолжаетъ постановленіе, «вызвали усиленную агитацію на мѣстахъ, которая нашла себѣ выраженіе въ присылкѣ писемъ, обращеній, наказовъ, прошеній и пр. въ думскую фракцію». И только? Всѣ то результаты пролились бумажнымъ дождемъ. Гдѣ же революція? Но погодите, это только цвѣточки, ягодки еще впереди. Допустимъ, что и дождь бумагъ—есть революція. Въ подтвержденіе того, что вышеуказанныя письма вызвали на мѣстахъ движеніе, постановленіе ссылается на отчеты мѣстныхъ комитетовъ, въ которыхъ излагается и техника, и планъ агитаціи на мѣстахъ. Судебный слѣдователь упустилъ только одно маленькое обстоятельство: всѣ отчеты написаны не только до полученія писемъ изъ фракціи, но еще до созыва думы. Правда, одинъ только отчетъ помѣченъ числомъ и мѣсяцемъ. На другихъ датъ нѣтъ. Но при маломальски внимательномъ отношеніи къ дѣлу слѣдственная власть не могла бы впасть въ ошибку,

если допустить, что мы имѣемъ дѣло съ ошибкой, а не съ завѣдомой ложью. Отчеты излагаютъ ходъ агитаціи и кончаются свѣдѣніями о количествѣ избранныхъ въ первой стадіи выборовъ партійныхъ выборщиковъ, т. е. объемлютъ собой время, не только предшествующее созыву думы, но даже концу выборовъ. И агитація, о которой въ нихъ говорится,—это предвыборная агитація, развитая партіей въ цѣляхъ побѣды на выборахъ.

Кромѣ приведенныхъ отчетовъ, фракціей получена масса резолюцій. Ни одна изъ нихъ не содержитъ въ себѣ и намека на вооруженное возстаніе. Въ нихъ вообще нѣтъ дѣлового содержанія. Это—выраженія сочувствія дѣятельности соц.-демократической думской фракціи. Въ нѣкоторыхъ—предложенія приглашать на засѣданія фракціи представителей тѣхъ или иныхъ партійныхъ организацій. Далѣе—письма съ досужими предложеніями, указанія на порядокъ и способы сношенія и т. п.

4. Отдѣльную группу представляютъ собою указы, обращенные либо непосредственно во фракцію, либо къ отдѣльнымъ членамъ этой послѣдней. Такихъ наказовъ и прошеній всякій членъ думы получаетъ десятками. Въ обращеніяхъ этихъ ищутъ себѣ выхода изстрадавшееся чувство и растерянная мысль русскаго обывателя. Такъ безпросвѣтна наша жизнь, такъ велико безвѣріе въ силу закона и въ законность власти, такъ необходима вѣра въ могущество думы, такъ тоскуетъ сердце по надеждѣ на лучшее будущее,—и льются въ думу широкимъ потокомъ подчасъ наивныя проявленія мечтательныхъ вождельній измученной, изнемогшей отъ гнета дѣйствительности страны. Такихъ наказовъ всего найдено 157. Изъ нихъ слѣдственная власть рѣшилась остановиться только на четырехъ. Въ одномъ изъ нихъ (на которомъ надпись «передать въ В. О.», самовольно истолкованная слѣдователемъ «передать въ военную организацію») требованіе амнистіи, отмены смертной казни, земли и воли—все тѣ же крылатые слова, которыми всѣ избиратели сопровождаютъ въ думу своихъ представителей. Другой—наказъ учителей Латышскаго края—полонъ мартирологомъ народныхъ учителей, рисуетъ мрачную картину условій школьной жизни, болѣзненно требуетъ лучшаго будущаго, настойчиво повторяя «путемъ безкровной революціи». Послѣднія слова слѣдователь благоразумно опустилъ. Вотъ и весь революціонный матеріалъ.

5. «Но, независимо отъ приведенныхъ доказательствъ продолжаетъ постановленіе, «въ бумагахъ фракціи оказалась резолюція не оставляющая, никакихъ сомнѣній. Резолюція эта слѣдующаго содержания:

I) Социаль-демократическая фракція государственной думы признаетъ необходимымъ немедленно освѣдомить рабочихъ и все населеніе Россіи о положеніи дѣлъ и о политикѣ правительства въ данный моментъ.

II) Фракція поручаетъ выработку соответствующаго обращенія комитету съ тѣмъ, чтобы проектъ обращенія былъ готовъ къ слѣдующему засѣданію.

III) Фракція немедленно вызывает съ мѣстъ выборщиковъ и представителей организацій для освѣдомленія и для дачи имъ инструкцій.

Какъ видно, приведенная резолюція, никѣмъ не подписанная и неизвѣстно кѣмъ написанная равнымъ образомъ, не подтверждаетъ предъявленнаго обвиненія и прибавленная къ вышеуказаннымъ «доказательствамъ» ничего не устанавливаетъ.

Такова беспочвенность обвиненія съ точки зрѣнія фактическаго содержанія и юридическая его несостоятельность. Красной нитью проходитъ черезъ всѣ акты, исходившіе изъ соц.-демократической фракціи, лозунгъ: производите давленіе на думу путемъ посылки ходочковъ, наказовъ петицій..., организуйтесь, вступайте въ союзы... Вотъ и все. Определенно и ясно ставится задача—дѣлать въ думѣ социальное дѣло путемъ примѣненія социалистической тактики. Вся постановка дѣла отличается теоретичностью, доктринерствомъ, столь свойственнымъ соц.-демократамъ. О какихъ-либо ближайшихъ конкретныхъ задачахъ нигдѣ нѣтъ и рѣчи. Вѣчный прищѣвъ—проясненіе политическаго сознанія массъ.

Если для юриста призрачность судебного преслѣдованія ясна, то для публики поведеніе правительства еще яснѣе. Достаточно указать, что оно даже не выждало заключенія комиссіи, въ которую было передано разсмотрѣніе дѣла,—тогда какъ комиссія, проработавъ свыше 20 часовъ почти безъ перерыва и внимательно ознакомившись со всѣмъ слѣдственнымъ матеріаломъ и вещественными доказательствами, только собиралась приступить къ обмѣну мнѣній. Правда, правительство не могло не понимать, что внимательно изучить дѣло—значитъ увидѣть его несостоятельность. Достаточно вспомнить, что, распустивъ думу въ ночь со 2-го на 3-е іюня, правительство того же 3-го іюня выпустило огромный избирательный законъ, заготовленный раньше, и къ моменту окончанія котораго и сталъ возможнымъ роспускъ думы.

Достаточно это вспомнить, чтобы понять, что требованіе, обращенное къ думѣ о выдачѣ цѣлой фракціи, — не было вызвано заботой о сохраненіи спокойствія въ странѣ, что это былъ плохо замаскированный поводъ къ роспуску думы наканунѣ того момента, когда дума должна была приступить къ социальному преобразованію и отвергнуть аграрные законы, введенные въ междудумскій періодъ. Сдѣлать это открыто правительство не рѣшилось...

О. П.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему сенату:

I.

Разсмотрѣвъ представленный намъ особый журналъ совѣта министровъ и соглашаясь съ заключеніемъ совѣта о необходимости, въ видахъ болѣе успешнаго охраненія порядка и общественной безопасности въ туапсинскомъ округѣ, черноморской губерніи, ввести также и въ семь округъ, дѣйствующее въ прочихъ частяхъ губерніи, исключительное положеніе, повелѣваемъ: 1) объявить туапсинскій округъ, черноморской губерніи, на военномъ положеніи, распространивъ на сей округъ дѣйствіе правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи (свод. зак. т. II, изд. 1892 г., общ. учр. губ., ст. 23, прим.), и 2) предоставить въ отношеніи сего округа временному черноморскому генералъ-губернатору присваиваемыя въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, права военного начальства и обязанности административныхъ органовъ гражданскаго вѣдомства по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукой подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ.

12-го іюля 1907 года.

Скрѣпилъ: предсѣдатель совѣта министровъ Столыпинъ.

Содержаніе собранія узаконеній и распоряженій правительства.

№ 113. 17 іюля 1907 г.

Ст. 945. О введеніи въ дѣйствіе положенія о продолжительности службы и отдыха служащихъ, непосредственно причастныхъ къ безопасности движенія поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ и подъѣздныхъ путяхъ общаго пользованія.

Ст. 946. О дополненіи § 31 временныхъ правилъ для плаванія по внутреннимъ воднымъ путямъ.

Ст. 947. О дополненіи правилъ для фондоваго отдѣла на с.-петербургской биржѣ.

№ 114. 18 іюля 1907 г.

Ст. 948. О ратификаціи заключенной 20 ноября—3 декабря 1903 г. парижской международной санитарной конвенціи.

Ст. 949. О введеніи въ форму обмундированія офицеровъ флотиліи отдѣльнаго корпуса пограничной стражи однообразнаго кителя, шарфа и сабельной портупей образцовъ, установленныхъ для офицеровъ морского вѣдомства.

Ст. 950. О распространеніи правилъ по предупрежденію несчастныхъ случаевъ при работахъ на горныхъ заводахъ на минеральныя воды.

№ 115. 20 іюля 1907 г.

Ст. 951. О повышеніи должности смотрителя дерскосельскаго запаснаго дворца его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича изъ X класса и X разряда въ VIII кл. и VIII разрядъ по мундиру.

Ст. 952. Объ утвержденіи положенія объ астраханской бактериологической лабораторіи.

Ст. 953. Объ учрежденіи въ г. Варшавѣ порайонаго комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ и новомъ распредѣленіи желѣзныхъ дорогъ по районамъ распредѣлительныхъ комитетовъ.

№ 116. 20 іюля 1907 г.

Ст. 954. Объ отводѣ земель въ собственность г. Усть-Каменогорска.

Ст. 955. Объ объявленіи Туапсинскаго округа, черноморской губ., на военномъ положеніи.

Ст. 956. Объ именованіи супруги его императорскаго высочества великаго князя Кирилла Владиміровича—великою княгиней Викторіею Теодоровною съ титуломъ императорскаго высочества и о признаніи родившейся отъ ихъ брака дочери Маріи—княжною крови императорской, съ титуломъ Высочества.

С.-Петербургская судебная палата.

Хранение динамита.

10 июля в особом присутствии с.-петербургской судебной палаты, под председательством члена палаты Олышева и с участием сословных представителей, а также членов палаты Бахтеярова, Коробича-Чернянского и Лешко Попеля, слушалось дело о петербургской мещанке Адельгейд-Терез Адовой Адамсон, обвинявшейся в хранении взрывчатого вещества—динамита с целью, противной государственной безопасности и общественному спокойствию. Обстоятельства дела, как видно из обвинительного акта, таковы: 3 декабря 1906 года в город С.-Петербург по ордеру с.-петербургского охранного отделения ротмистр отдельного корпуса жандармов Федоров и пристав 1 участка рождественской части Зарвцкий произвели обыск в дом № 132 по Невскому проспекту, в квартир, занимаемой мещанкой Адельгейдой Адамсон. Войдя для обыска в квартиру, они застали Адамсон в ее комнат, в которой была открыта форточка.

Вскрыв в квартиру явился городской, оставленный перед тем на посту у окон квартиры Адамсон, и доставил два свертка, выброшенные из форточки квартиры, в одном из которых оказалась пачка денег в 7.100 рублей, а в другом—печати разных учреждений и чистые паспортные бланки. После обыска в квартир, занятой г-жей Адамсон, Зарвцкий и Федоров перешли в относящееся к квартир чердачное помещение, где они нашли корзину, увязанную веревками. Когда корзина эта была перенесена в квартиру и ее вскрыли, то в ней оказался динамит в плитках, упакованный в гуттаперчевые оболочки. Прислуга Адамсон, Софья Свиклан, объяснила при этом, что она не знает, кто укладывал в корзину все, что в ней было найдено, но что самую корзину с ее содержимым она поместила на чердак по приказанию Адамсон. Сама Адамсон заявила чинам полиции, что динамит принадлежит не ей, но что лиц, которому он принадлежит, назвать не может. Когда корзина вместе с динамитом была взвешена, то оказалось, что она весит один пуд и пять фунтов. Из имющегося в деле отношения отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столиц на имя судебного следователя от 25 января 1907 года за № 2037 видно, что динамит, отобранный по обыску у Адамсон, был уничтожен приставом полостровского участка на стрельбище 145 Новочеркасского полка. Привлеченная в качестве обвиняемой в хранении взрывчатых веществ в своей квартир с противною государственной безопасности и общественному спокойствию целью, Адельгейда Адамсон признала себя виновной в этом преступлении и показала, что динамит действительно был найден в чердачном помещении, относившемся к ее квартир, в дом № 132 по Невскому проспекту. С какой целью он у нея хранился и откуда был доставлен, она объяснить не желает. На основании этих данных к с.-петербургской мещанке Адельгейд-Терез Адовой Адамсон, 30-ти лет, было предъявлено обвинение в том, что в декабре 1906 года, в г. С.-Петербурге, с противною государственной безопасности и общественному спокойствию целью, в чердачном помещении, относящемся к ее квартир в дом № 132 по Невскому проспекту, хранила взрывчатое вещество—динамит в количестве около пуда и 5 фунтов веса с упаковкою, т. е. в преступлении, предусмотренном 2 ч. 1 ст. закона 9 февраля 1906 года.

Дело это однажды уже начато было слушани-

ем в с.-петербургской судебной палате, но не получило разрешения, так как дело г-жи Адамсон в вывод обвинительного акта квалифицировалось по 1 ч. 1 ст. закона 9 февраля 1906 г., в то время как на судебном заседании обвинительная власть нашла возможность предъявить ей обвинение по 2 ч. 1 ст. закона 9 февраля 1906 г., вследствие чего особое присутствие судебной палаты, согласно ходатайству защитника подсудимой, прис. пов. Н. Д. Соколова, определило настоящее дело снять с очереди и направить его к доследованию. 10 июля дело об Адельгейд Адамсон было назначено ко вторичному слушанию, причем выводы обвинительного акта были уже исправлены в указанном выше смысле—вместо 1 ч. предъявлено обвинение по 2 ч. 1 ст. закона 9 февраля 1906 г.

В судебном заседании были допрошены сторонами, в качестве свидетелей, дворник дома, в котором Адамсон занимала квартиру, Хрущов, пристав Зарвцкий, околоточный Макаревич и ротмистр Федоров, производившие обыск, а также пристав Леонович и прислуга Свиклан, — которые, между прочим, показали следующее:

Дворник Хрущов неоднократно замечал, что Адамсон посещают какие-то подозрительные молодые люди из числа студентов, вследствие чего он и счел необходимым учинить донос. На вопрос защитника подсудимой, С. Е. Кальмановича, он отвечает, что квартирант, живший у г-жи Адамсон, по профессии приказчик, ни в каком отношении не казался ему подозрительным. Свидетель видел те деньги, которые принес городской, стоявший у окна, завязанными в газетную бумагу. Относительно корзины с динамитом он показал, что Адамсон, на вопрос пристава „что там?“, ответила: „Когда вскрыете, то увидите“.

Пристав 1 участка рождественской части, присутствовавший при обыске, подтверждая свои показания об обстоятельствах обыска, данные на предварительном следствии, показал, что ротмистр Федоров после вскрытия корзины сказал ему, что в ней содержится динамит, сам же он этого не знал.

Жандармский ротмистр Федоров показал, что, наблюдая во все время обыска за правильным ходом и результатами его, он был свидетелем и того момента, когда городской, оставленный на посту под окнами квартиры Адамсон, принес два пакета, поднятых на мостовой: в одном из них были печати разных учреждений и чистые паспортные бланки, а в другом — 7100 рублей, ограбленные в Фонарном переулке. Обстоятельство это ему категорически известно на основании тех сведений, которыми располагает охранное отделение. Из того же источника ему известно, что подсудимая долгое время жила вместе со своею подругой Климовой, которая была приговорена с.-петербургским военно-окружным судом к смертной казни через повешение за участие в покушении на жизнь председателя совета министров П. А. Столыпина—взрыв дачи на Аптекарском острове, — но которой смертная казнь была заменена впоследствии безсрочной каторгой.

Софья Свиклан, находившаяся в услужении у г-жи Адамсон, показала, что корзина, где был найден динамит, раньше была пустая; однажды Климова принесла с собою чемодан, который после этого был оставлен в квартир. Кто уложил в корзину все, что в ней было обнаружено,—она решительно не знает; знает лишь, что по приказанию Адамсон она отнесла уже наполненную корзину на чердак. По словам свидетельницы, Адамсон жила очень скромно и одиноко, нигде не бывая, точно так же как и к ней никто не ходил.

Приставъ полюстровскаго участка знаетъ по этому дѣлу только то, что ему поручено было уничтожить динамитъ, найденный у г-жи Адамсонъ, что онъ и привелъ въ исполненіе на стрѣльбищѣ 145 Новочеркаскаго полка.

Товарищъ прокурора Шульгинъ поддерживалъ обвиненіе согласно выводамъ обвинительнаго акта.

Защитникъ подсудимой, прис. пов. С. Е. Кальмановичъ, въ своей защитительной рѣчи высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: „при доказанности факта храненія подсудимою динамита—сказалъ защитникъ—и при отсутствіи доказательствъ, какъ съ ея стороны о неправомерности дѣла, такъ и со стороны представителя обвинительной власти о преступности дѣла этого храненія,—приходится признать, что храненіе динамита въ данномъ случаѣ наказуемо по 1 части 1 ст. закона 9 февраля 1906 г. Но защита настойчиво отрицаетъ примѣнимость къ дѣянію подсудимой 2-ой части 1 ст. того же закона: законное предположеніе о преступности этого дѣянія отсутствуетъ, когда рѣчь идетъ о храненіи взрывчатыхъ веществъ съ какою-либо противною государственной безопасности или общественному спокойствію цѣлью (ч. 2 ст. 1 закона 9 февраля). Необходимо установить по доказательствамъ объективнымъ, съ какою именно цѣлью подсудимая хранила динамитъ, который былъ у нея найденъ. Презумпція въ этомъ случаѣ безусловно недопустима. Требуется улики, и притомъ улики такого свойства, которыми совершенно достоверно устанавливается, какая именно была цѣль храненія. Судъ обязанъ установить эту цѣль совершенно опредѣленно, конкретно. Догадки, какъ бы ни были онѣ вѣроятны, ни въ какомъ случаѣ недопустимы. Еще менѣе допустимо признаніе общегосударственной преступности этой цѣли, разъ самая цѣль не была установлена. Квалифицировать дѣяніе возможно лишь тогда, когда оно судомъ установлено. Поэтому и кваликація цѣли храненія невозможна въ томъ случаѣ, когда сама цѣль эта осталась неизвѣстною суду. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ на судѣ совершенно не выяснилось, зачѣмъ Адамсонъ хранила динамитъ. Обвинительная власть голословно, безъ всякаго на то основанія, утверждаетъ, что у подсудимой цѣль храненія была противна государственной безопасности и общественному спокойствію. Таково предположеніе г. прокурора. Защитникъ считаетъ себя вправѣ съ меньшей степенью вѣроятности предполагать, что Адамсонъ хранила динамитъ съ цѣлью—въ благопріятный для того моментъ—уничтожить его. Подсудимая могла хранить его, скрывая улики противъ другого лица, изъ дружбы, напримѣръ. Предположенія эти, быть можетъ, недостоверны, ибо не доказаны; но защита на томъ и не настаиваетъ; для нея единственно важно установить, что и предположеніе обвинительной власти о храненіи динамита съ цѣлью противогосударственной и противообщественной въ такой же мѣрѣ недостоверно и не заслуживаетъ вниманія, ибо никакихъ конкретныхъ основаній за собою въ дѣлѣ не имѣетъ. Судебные приговоры нельзя строить на предположеніяхъ, ни въ пользу, ни противъ подсудимаго“. По этимъ соображеніямъ присяжный повѣренный Кальмановичъ находилъ возможнымъ примѣненіе 1-ой, но отнюдь не 2-ой части 1 ст. закона 9 февраля 1906 г.

Особое присутствіе, признавая доказаннымъ, что Адельгейда Адамсонъ въ г. С.-Петербургѣ, въ чердачномъ помѣщеніи, относящемся къ ея квартирѣ въ д. № 132 по Невскому проспекту, хранила въ плетеной корзинѣ динамитъ въ плиткахъ, упакованныхъ въ гуттаперчевыя оболочки и вложенныхъ въ карманы клеенчатого передника, въсомъ вмѣстѣ съ корзиною 1 п. 5 ф., причемъ динамитъ этотъ

предназначался ею, Адамсонъ, или съ вѣдома ея другими лицами, на дѣйствія, направленные противъ государственной безопасности и общественнаго спокойствія, опредѣлило подсудимую Адамсонъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 10 лѣтъ.

Гродненскій окружный судъ.

Дѣло о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ¹⁾.

9 іюля, т. е. ровно черезъ два мѣсяца со дня опредѣленія суда о направленіи дѣла къ дослѣдованію, оно вновь предстало на разсмотрѣніе суда почти въ томъ же составѣ присутствія (перемѣнился только членъ-докладчикъ). Обвинительный актъ оказался чрезвычайно мало измѣненнымъ. Изъ него исключены четыре обвиняемыхъ, представившихъ при вторичномъ разслѣдованіи дѣла свидѣтелей въ подтвержденіе своей невинности, и включенъ новый обвиняемый—рабочій завода Флакерта, Михаилъ Демьяновичъ, которому предъявлено обвиненіе по 1 ч. 1455 ст. ул. о нак., т. е. въ убійствѣ безъ заранее обдуманнаго намѣренія (окружный судъ въ своемъ постановленіи о дослѣдованіи дѣла усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Демьяновича составъ преступления, предусмотрѣннаго 1454 ст., т. е. преднамеренное убійство). Исключенъ еще изъ числа обвиняемыхъ Иванъ Середа, который подлежалъ привлеченію также по 1454 ст.: при отложеніи дѣла онъ не былъ заключенъ подъ стражу и потому успѣлъ скрыться.

Всѣхъ подсудимыхъ, такимъ образомъ, 12: Вигиневскій, Егоровъ, Завадскій, Копыловъ, Мручекъ, Назаренко, Попко, Рогачевскій, Хвесьякъ, Цезарскій, Янкевичъ и Демьяновичъ. Изъ нихъ только послѣдній подъ стражей. Свидѣтелей почти вдвое меньше, чѣмъ при первомъ разсмотрѣніи дѣла.

Всѣ тѣ, которые не обличали отдѣльныхъ подсудимыхъ, а лишь давали описаніе картины погрома, свидѣтели по, такъ называемымъ, общимъ вопросамъ—не вызваны. Даже полковникъ Шреттеръ вызванъ не прокуроромъ, а подсудимыми.

Начальникъ станціи Чаповъ, изобличенный при первомъ разборѣ дѣла въ завѣдомо ложныхъ показаніяхъ, не явился. Онъ прислалъ свидѣтельство о томъ, что страдаетъ ревматизмомъ и бронхитомъ и нуждается въ продолжительномъ леченіи.

Судъ постановляетъ слушать дѣло въ отсутствіи неявившихся свидѣтелей и показанія Чапова, данныя судебному слѣдователю, въ случаѣ надобности огласить.

Но раньше, чѣмъ судъ приступилъ къ оглашенію обвинительнаго акта, повѣренные гражданскихъ истцовъ, прис. пов. М. Б. Ратнеръ и Л. А. Хоментовскій, вновь обращаются къ суду съ ходатайствомъ объ отложеніи слушаніемъ дѣла впредь до выясненія результатовъ постановленія судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ г. Бокитко о привлеченіи къ отвѣтственности вмѣстѣ съ наличными подсудимыми коменданта станціи полк. Шреттера, начальника станціи Чапова, жандармскаго ротмистра Трапицына, драгунскаго корнета Померанцева 2-го и жандармскаго унтеръ-офицера Михана, и о направленіи дѣла къ предварительному слѣдствію для соединенія съ общимъ производствомъ о бѣлостокскомъ погромѣ.

Къ приведеннымъ въ первый разъ основаніямъ для направленія дѣла къ дослѣдованію г. Ратнеръ присоединяетъ еще и слѣдующее.

Въ числѣ предметовъ, подлежавшихъ дослѣдованію, было обнаруженное на судѣ новое обстоятельство въ видѣ показанія потерпѣвшаго Дуксина о

¹⁾ См. №№ 19—22 „Права“ за 1907 г.

томъ, что тяжкое поврежденіе черепа было причинено ему непривлеченнымъ къ дѣлу жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Москвинымъ.

Судебный слѣдователь вызвалъ Дуксина, проживающаго въ Слонимѣ, въ Гродно для снятія показаній и предъявленія Москвина.

Дуксинъ представилъ свидѣтельство врача въ подтвержденіе того, что ему воспрещено выѣзжать, и просилъ допросить его по мѣсту жительства и доставить туда Москвина. Но судебный слѣдователь оставилъ это ходатайство безъ уваженія и направилъ слѣдственный матеріалъ къ прокурору для составленія обвинительнаго акта.

Такимъ образомъ, столь важный моментъ, какъ участіе должностнаго лица въ погромѣ, не былъ разслѣдованъ, и обвинительный актъ оказался не полнымъ: не привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго прямой участникъ избиеній станціонный жандармъ Москвинъ.

Тов. прокурора Конашинскій далъ заключеніе объ оставленіи ходатайства гражданскихъ исцовъ безъ удовлетворенія по слѣдующимъ основаніямъ:

1) У суда нѣтъ свидѣтелей о томъ, чтобы кто-либо изъ наличныхъ подсудимыхъ принималъ участіе въ городскомъ погромѣ; а разъ это такъ, то между тѣмъ и другимъ дѣломъ нѣтъ тѣсной связи и, слѣдовательно, нѣтъ основанія для соединенія обоихъ дѣлъ въ одно;

2) ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности полк. Шреттера и другихъ не можетъ подлежать удовлетворенію, такъ какъ для преслѣдованія должностныхъ лицъ за служебныя преступленія существуетъ особый порядокъ;

3) то обстоятельство, что судебный слѣдователь не допросилъ потерпѣвшаго Дуксина и не предъявилъ ему для опознанія Москвина, не имѣетъ значенія потому, что свидѣтель, на котораго сослался Дуксинъ и со словъ котораго онъ указалъ на Москвина, какъ на виновника причиненнаго ему поврежденія, не подтвердилъ на допросѣ у суд. слѣдователя сдѣланной на него ссылки, и, слѣд., допросъ Дуксина являлся уже излишнимъ.

Окружный судъ постановляетъ отказать повѣренными гражданскихъ исцовъ въ ихъ ходатайствѣ.

Обвинительный актъ, гласитъ опредѣленіе суда, составленный прокурорскимъ надзоромъ и утвержденный камерой преданія суду, обязателенъ для окружнаго суда; къ вѣдомству послѣдняго не относится оцѣнка полноты предварительнаго слѣдствія, и окружный судъ не считаетъ возможнымъ входить въ обсужденіе связи между погромомъ на вокзалѣ 1 и 2 іюня 1906 г. и беспорядками, происходившими въ тѣхъ же числахъ въ г. Бѣлостокѣ. Тѣ данныя, которыя послужили судебному слѣдователю основаніемъ для составленія постановленій о привлеченіи къ отвѣтственности извѣстныхъ должностныхъ лицъ, не даютъ еще суду основанія для отложенія дѣла, такъ какъ законъ точно устанавливаетъ порядокъ разслѣдованія о незаконныхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ, и суд. слѣдователь далъ направленіе своему постановленію въ порядкѣ 314 ст. уст. угол. судопр. По тѣмъ же соображеніямъ не можетъ подлежать удовлетворенію ходатайство объ отложеніи слушанія дѣла въ виду недослѣдованія до конца эпизода съ потерпѣвшимъ Дуксиномъ, который приписываетъ жандарму Москвину причиненіе ему увѣчья. Хотя обстоятельство это и послужило однимъ изъ поводовъ для направленія дѣла къ дослѣдованію, но послѣднее было доведено суд. слѣдователемъ до того предѣла, когда онъ призналъ дальнѣйшее разслѣдованіе излишнимъ, и постановленіе его объ этомъ не было опротестовано ни прокуроромъ, ни заинтересованнымъ лицомъ, а потому окружный судъ не находитъ возможнымъ возбуждать дѣла о привлеченіи Москвина къ отвѣтственности по 269¹ ст. ул. о нак.

По оглашеніи обвинительнаго акта судъ пере-

ходить къ обычному опросу подсудимыхъ о виновности. Всѣ они отрицаютъ свою прикосновенность къ погрому и утверждаютъ, что свидѣтели оговариваютъ ихъ по злобѣ или по ошибкѣ. По словамъ Демьяновича, онъ во время избиенія евреевъ на вокзалѣ не былъ. На работу онъ, правда, 2 іюня не пошелъ, но весь день провелъ сначала въ лѣсу, а потомъ у какого-то пріятеля своего и только въ 4 часа пошелъ на вокзалъ выпить воды. Когда онъ пришелъ туда, евреевъ уже не били, и только на площадкѣ передъ подъѣздомъ лежали убитые. Выйдя съ вокзала, онъ сѣлъ близъ гостиницы Роопа, гдѣ его видѣли свидѣтели, отдохнуть, такъ какъ у него отъ жары пошла изъ носа кровь, которою онъ испачкалъ себѣ руки и рубаху.

Судъ переходитъ къ допросу свидѣтелей. Однимъ изъ первыхъ допрашивается Абрамскій, выбросившійся изъ окна второго этажа и сломавшій себѣ ногу. Когда онъ, не имѣя силъ подняться, лежалъ въ палисадникѣ у вокзала, какой то мальчишка, оказавшійся впослѣдствіи подсудимымъ Вишневымъ, билъ его палкой, причемъ стоявшій тутъ же станціонный жандармъ Миханъ, на просьбу его о помощи, отвѣтилъ: „одинъ въ полѣ не воинъ“. На вокзалѣ стояли солдаты и жандармы, но они ничего не предпринимали для прекращенія избиенія. Когда публика, находившаяся въ залѣ 1 класса, обратилась къ полк. Шреттеру съ просьбой прекратить погромъ, онъ крикнулъ: „не ваше дѣло“.

Свидѣтель Дуксинъ, вызванный жандармомъ Москвинымъ изъ зала 1 класса на перронъ подъ предлогомъ, что его кто-то спрашиваетъ, получилъ на глазахъ полк. Шреттера и начальника станціи Чапова страшный ударъ по головѣ, отъ котораго онъ навѣки остался калѣкой. Впослѣдствіи, когда онъ вернулся въ Бѣлостокъ послѣ извлеченія изъ головы осколковъ черепной кости, онъ узналъ, что ударъ по головѣ шашкой былъ нанесенъ ему Москвинымъ.

Потерпѣвшій Сорока, бывшій на вокзалѣ еще до начала избиенія, видѣлъ, какъ изъ города возвращались громилы съ награбленными вещами. Стоявшій тутъ же жандармъ со словами: „молодецъ, молодецъ“, добродушно похлопалъ одного изъ нихъ по плечу.

Глубокій старикъ Гольдбергъ, совершенно оглохшій отъ тяжелыхъ побоевъ и потерявшій зрѣніе на одинъ глазъ, рассказываетъ, какъ его били и у кассы, и въ вагонѣ, и въ залѣ 3-го класса на глазахъ начальника станціи, не пожелавшаго оказать ему никакой помощи. Когда онъ очнулся отъ побоевъ въ медицинскомъ кабинетѣ, гдѣ фельдшеръ сдѣлалъ ему перевязку, онъ увидѣлъ надъ собой нач. ст. Чапова и жандарма Михана, потребовавшихъ, чтобы онъ немедленно убрался оттуда вонъ. Онъ вышелъ на площадь и здѣсь увидѣлъ простую телѣгу, въ которую были свалены, какъ дрова, человѣкъ 8—9 мертвыхъ и умирающихъ евреевъ.

По приказанію стоявшихъ тутъ же солдатъ, онъ сѣлъ на край телѣги и вмѣстѣ съ убитыми и ранеными былъ доставленъ въ еврейскую больницу.

Изъ подсудимыхъ онъ опознаетъ Мручека, бившаго его палкой по головѣ и топтавшаго каблуками.

16-лѣтній мальчикъ Гринбергъ, оставившій на вокзалѣ въ рукахъ хулигановъ своего отца, два дня прятался въ ржаномъ полѣ и когда, по прекращеніи погрома, пошелъ искать своего отца, то нашелъ въ мертвецкой еврейской больницы трупъ его съ вырваннымъ языкомъ и пробитымъ шестью гвоздями черепомъ.

70-лѣтняго Ташмана билъ по головѣ желѣзною палкой обв. Коныловъ, вырвавшій у него изъ кармана бумажникъ съ деньгами.

Когда онъ, спасаясь отъ побоевъ, пытался проникнуть въ залъ 1 класса, комендантъ Шреттеръ и Чаповъ не пустили его туда, и онъ на ихъ глазахъ, обливаясь кровью, упалъ.

Когда онъ очнулся въ жандармской комнатѣ, подошедшій къ нему жандармскій полковникъ сказалъ: „это вамъ за то, что вы плохо учите вашихъ дѣтей“.

Въ одну телѣгу съ избитымъ Гринбергомъ былъ брошенъ и молодой парень Лунскій, жестоко избитый громилами на вокзалѣ.

Среди громилъ былъ и подсудимый Егоровъ, прѣхавшій въ одномъ вагонѣ съ Лунскимъ въ Бѣлостокъ. На глазахъ Лунскаго въ телѣгу бросили избитаго Франка, и хулиганы въ присутствіи стоявшихъ тутъ же солдатъ и жандармовъ сняли съ него часы.

Передъ судомъ проходить еще цѣлая масса потерпѣвшихъ евреевъ, и всѣ они въ одинъ голосъ твердятъ, что громилъ было не много, а пѣшихъ и конныхъ солдатъ и жандармовъ было столько, что они безъ малѣйшаго труда могли бы разогнать безчинствовавшую чернь; но они совершенно спокойно смотрѣли на жестокую травлю и, по увѣренію свидѣтеля Курехта, иные изъ нихъ хохотали, когда хулиганы дробили евреямъ булыжниками черепа. Комендантъ Шреттеръ и начальникъ станціи Чаповъ рѣшительно никакихъ мѣръ не принимали къ прекращенію погрома, наоборотъ, всѣмъ своимъ поведеніемъ они только поощряли громилъ. Съ грубою, циничною бранью они отгоняли отъ себя обезумѣвшихъ отъ ужаса евреевъ и гнали ихъ прямо въ руки громилъ.

По мѣткому сравненію свидѣтеля Бурштейна, комендантъ и жандармы напоминали загонщиковъ, гнавшихъ дичь прямо въ руки охотниковъ.

Единственный изъ всѣхъ потерпѣвшихъ спасенный Шреттеромъ георгіевскій кавалеръ и портъ-артурскій герой Курехтъ говоритъ, что Шреттеръ спасъ его за его два георгіевскихъ креста и медали. Укрывшись на вокзальномъ чердакѣ онъ, наблюдалъ оттуда страшную картину избиенія на предвокзальной площади несчастныхъ евреевъ.

Изъ вокзального подъѣзда выволакивали убитыхъ евреевъ и, на глазахъ многочисленныхъ драгунъ, конныхъ и пѣшихъ, добивали булыжниками. На несчастнаго Левина накинули арканъ и гоняли по площади.

Вблизи гостиницы Роопа лежалъ избитый еврей. Какой то человекъ въ бѣлой рубахѣ, по виду похожій на Демьяновича, схватилъ камень и сталъ бить его по головѣ, пока тотъ не пересталъ шевелиться.

Допросъ потерпѣвшихъ евреевъ оконченъ, и въ залъ суда появляется первый свидѣтель христіанинъ—желѣзнодорожный чиновникъ Вибилло. Публика съ затаеннымъ вниманіемъ слушаетъ его показанія. На его глазахъ на вокзалѣ и на предвокзальной площади избивали евреевъ. Шреттеръ и Чаповъ были на вокзалѣ все время и, конечно, не могли не видѣть всѣхъ творившихся тамъ ужасовъ.

На перронѣ, у выхода и на площади стояли усиленные наряды жандармовъ, солдаты, конные и спѣшившіеся драгуны, тутъ же былъ ротмистръ Трапицынъ, драгунъ-офицеръ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ небольшія кучки громилъ убивали и добивали умиравшихъ отъ страшныхъ истязаній людей. Когда бить больше некого было, офицеръ, стоявшій все время на площади, крикнулъ громиламъ: „уходите, а то арестую“, и они разошлись. Пакгаузные служащіе были на этотъ день освобождены отъ работъ... Среди рабочихъ, выгонявшихъ изъ пакгауза укрывшихся туда евреевъ, онъ видѣлъ подсудимаго Попко и скрывшихся отъ суда Середу и Кунеца.

Свидѣтели Перковскій и Дагель (также христіане), въ общемъ, даютъ ту же картину событій, что и Вибилло.

Въ кучкѣ громилъ, орудовавшихъ на площади, были подсудимые Цезарскій и Егоровъ. Но рельефнѣе другихъ въ ихъ памяти запечатлѣлись Демьяновичъ и вызванный имъ въ подтвержденіе своего alibi Беззубикъ.

Когда подошелъ граевскій поѣздъ, Демьяновичъ, бывшій въ одной компаніи съ Беззубикомъ и какимъ то толстымъ босякомъ, съ крикомъ: „пойдемъ, братцы, на работу“, бросился бить евреевъ. Вблизи гостиницы Роопа упалъ, обливаясь кровью, какой-то еврей. Демьяновичъ, схвативъ огромный булыжникъ и со словами: „вотъ тебѣ, еврейская морда, за нашу икону“, сталъ наносить ему по головѣ одинъ ударъ за другимъ, пока тотъ не испустилъ дыханія.

Кто изъ шести убитыхъ 2 іюня у вокзала евреевъ былъ убитъ Демьяновичемъ, такъ и осталось невыясненнымъ. Судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе, не нашелъ нужнымъ собрать на этотъ счетъ никакихъ свѣдѣній.

Въ виду этого, прис. пов. Ратнеръ обращается къ суду съ просьбой вытребовать изъ еврейской больницы списокъ убитыхъ и раненыхъ, доставленныхъ въ тотъ день въ больницу: путемъ сличенія наружныхъ примѣтъ и описаній свидѣтелей, быть можетъ, удастся установить личность убитаго Демьяновичемъ. Тов. прокурора присоединяется къ этому ходатайству и предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить и больничнаго врача для разъясненія могущихъ встрѣтиться при ознакомленіи со списками вопросовъ.

Судъ удовлетворяетъ эти ходатайства, и спустя нѣкоторое время появляется больничный врачъ Эпштейнъ. Вызовъ его оказался совершенно напраснымъ. По его объясненію, въ больницѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ именахъ и наружныхъ примѣтахъ убитыхъ. При осмотрѣ труповъ присутствовали, какъ полагается, прокуроръ и судебный слѣдователь, былъ составленъ списокъ, но куда онъ дѣлся—больницѣ ничего не извѣстно.

Судъ возвращается къ допросу свидѣтелей. Ближайшій изъ нихъ—желѣзнодорожный конторщикъ Погребнякъ уличаетъ въ участіи въ погромѣ подсудимаго Цезарскаго, Завадскаго и Рогачевскаго. Когда при допросѣ его прис. пов. Хоментовскій коснулся вновь вопроса о дѣйствіяхъ станціонныхъ властей, предсѣдатель, до тѣхъ поръ совершенно не стѣснявшій съ этой стороны гражданскихъ истцовъ, внезапно прервалъ его.

Повѣренные гражданскихъ истцовъ,—заявилъ онъ,—совершенно произвольно расширяютъ рамки процесса, касаясь въ своихъ вопросахъ дѣятельности должностныхъ лицъ, непривлеченныхъ къ дѣлу. Онъ понималъ бы еще эти вопросы въ устахъ защитниковъ, но совершенно не понимаетъ ихъ со стороны гражданскихъ истцовъ, такъ какъ все то, чего они добиваются этими разспросами, идетъ въ разрѣзъ съ интересами ихъ же довѣрителей. Пусть гражданскіе истцы укажутъ хоть одну статью закона, которая предоставляла-бы имъ такое широкое право,—сказалъ предсѣдатель.

— Пусть г. предсѣдатель укажетъ хоть одну статью, которая лишала бы насъ этого права,—возразилъ г. Ратнеръ.

— Наоборотъ, совокупность всѣхъ законовъ и сенатскихъ рѣшеній, касающихся правъ гражданскихъ истцовъ, говоритъ за то, что у насъ есть это право. Хотя мы ищемъ только возмѣщенія матеріальныхъ убытковъ нашихъ довѣрителей, мы, тѣмъ не менѣе, являясь стороной въ процессѣ, считаемъ необходимымъ выяснитъ всѣ обстоятельства настоящаго дѣла: касаясь дѣятельности должностныхъ лицъ, мы имѣемъ въ виду не уличить ихъ, а лишь всесторонне освѣтить дѣло, для выясненія большей или меньшей ответственности подсудимыхъ.

Предсѣдатель заявляетъ, что судъ вынесетъ по этому предмету свое опредѣленіе. Но вопросъ о правахъ гражданскихъ истцовъ такъ и остался неразрѣшеннымъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

Прав. сенатъ разъяснилъ, что кратковременными позаймствованіями изъ капиталовъ земства слѣдуетъ считать лишь тѣ позаймствованія, срокъ которыхъ не превышаетъ одного года. (12—VI—5602).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что займы являются однимъ изъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ самимъ закономъ установлена нѣкоторая зависимость уѣздныхъ земствъ отъ губернскихъ (11—VI—5602).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что несвоевременная высылка окладныхъ листовъ владѣльцу недвижимаго имущества не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію послѣдняго отъ уплаты земскихъ сборовъ за имущества, своевременно внесенныя въ окладъ. (6—VI—5418).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что земства не лишены права привлекать къ обложенію земскимъ сборомъ недвижимыя имущества разночинцевъ при условіи обложенія всѣхъ вообще жилыхъ строеній въ уѣздѣ. (6—VI—5420).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что хотя городскимъ общественнымъ управленіямъ и предоставлено по своему усмотрѣнію распоряжаться городскими выгонными землями въ смыслѣ извлеченія изъ нихъ доходовъ, однако, предоставляя тѣ или другія городскія угодья въ общее всѣхъ обывателей пользованіе, городская дума не вправе устранять известную часть населенія отъ пользованія сими угодьями, а равно устанавливать для нея особыя права пользованія. (6—VI—5127).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что то обстоятельство, что существующія постройки нарушаютъ соотвѣтствующія строительныя правила, создаетъ право привлеченія виновника къ судебной отвѣтственности, если постройки эти возведены по изданіи упомянутыхъ правилъ, но не даетъ основаній къ отказу въ разрѣшеніи постройки на томъ мѣстѣ, на которомъ по закону она можетъ находиться. (6—VI—5451).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что на точномъ основаніи, § 14 эспланадныхъ правилъ, возведеніе какихъ либо новыхъ построекъ, безъ спеціальнаго плана мѣстности, вообще не можетъ быть допустимо, и если тѣмъ не менѣе таковыя постройки разрѣшаются, то надзоръ за ихъ возведеніемъ, равно какъ и за ремонтомъ старыхъ построекъ составляетъ прямую обязанность коменданта крѣпости, какъ представителя военнаго вѣдомства, независимо отъ общаго надзора за эспланадой, согласно § 18 правилъ. (6—VI—5453).

Туапсинскій округъ черноморской губерніи объявленъ на военномъ положеніи.

(Н. Вр.).

По распоряженію варшавскаго генераль-губернатора, противъ недоимщиковъ городскихъ и государ-

ственныхъ налоговъ будутъ пущены въ ходъ репрессіи при помощи военной силы, если налоги не будутъ внесены къ опредѣленному сроку.

(Бир. В.).

Въ Одессѣ, по ходатайству союза русскаго народа, помилованы 8 человекъ, осужденныхъ по дѣлу объ овидіопольскомъ погромѣ.

(Р. Сл.).

Въ Симферополѣ населеніе нѣкоторыхъ частей города терроризовано боевой дружиной союзниковъ. На улицахъ среди бѣла дня происходятъ стрѣльба и избіенія, обыски и ограбленія. Редакція мѣстныхъ газетъ получаютъ массу сообщеній объ избіеніяхъ; имена многихъ участниковъ избіеній всѣмъ известны. Большинство пострадавшихъ еврей.

(Тов.).

Волынскій архіепископъ Антоній обратился въ св. синодъ съ рапортомъ, въ коемъ самымъ настоятельнымъ образомъ просилъ синодъ убрать отъ него куда-нибудь іеромонаха Илліодора. Причемъ указалъ въ рапортѣ, что Илліодоръ послѣднее время особенно самовольничаетъ, не признаетъ за собой никакой власти и распоряжается „Почаевскими Извѣстіями“ по своему усмотрѣнію, не признавая ни цензора, ни редактора этого „органа печати“. По поводу настоящаго рапорта св. синодъ 18 іюля имѣлъ сужденіе. И несмотря на столь убѣдительное ходатайство архіепископа Антонія о переводѣ Илліодора въ Донскую область, подкрѣпленное къ тому же коллективнымъ прошеніемъ о томъ мѣстныхъ почаевскихъ крестьянъ, — постановилъ оставить іеромонаха Илліодора по-прежнему на жительствѣ въ Волынской губерніи, а для того, чтобы онъ больше не „самовольничалъ“, отдать его подъ ближайшее наблюденіе... архіепископа Антонія, съ каковою цѣлью и водворить его, Илліодора, на жительство въ архіерейскомъ домѣ.

(Русь).

По распоряженію синода, преподаватель духовнаго училища, священникъ Замахѣвъ, раздѣляющій взгляды конст.-демократовъ, уволенъ отъ службы и ссылается на двѣ недѣли въ монастырь. Причина кары — рѣчи, произнесенныя на епархіальномъ съѣздѣ.

(Рѣчь).

По распоряженію врем. прибалтійскаго генераль-губернатора, закрыто на все время военнаго положенія ревельское общество вспомошествованія ремесленникамъ.

(Бир. В.).

Въ Варшавѣ „Газета Польская“ безсрочно закрыта генераль-губернаторомъ.

(Русь).

Въ Брянскѣ на дняхъ произведены, массовые обыски и аресты. Часть арестованныхъ около 80 человекъ, большинство — учащая молодежь, съ поѣздомъ доставлена въ Орель и заключена въ мѣстную тюрьму.

(Сер.).

Въ Вологдѣ на основаніи предоставленныхъ губернатору особыхъ полномочій производятся многочисленные аресты и обыски. Въ библіотекѣ народнаго дома конфисковано 2000 легальныхъ брошюръ. Арестовываются ссыльные изъ ближайшихъ уѣздовъ и переводятся въ дальніе.

(Р. Вѣд.).

Въ Лодзи на фабрику Познанскаго былъ произведенъ обыскъ. Арестованы 54 рабочихъ, три работницы и 6 служащихъ. Въ конторѣ найдена нелегальная литература. Во время обыска группа рабочихъ, несмотря на приказъ всемъ остаться до окончания осмотра фабрики, хотѣла скрыться, бросившись бѣжать на Древновскую улицу. Былъ данъ залпъ, которымъ ранены двое тяжело, нѣсколько человекъ легко.

(Е. П.).

Въ Варшавѣ, арестовано 12 членовъ желѣзнодорожнаго союза. Отобрана обширная переписка.

Въ Одессѣ, 20 іюля, полиція, получивъ свѣдѣніе, что въ саду Юліуса вечеромъ должно состояться важное совѣщаніе видныхъ анархистовъ-коммунистовъ, отправилась туда. Окруженные полиціей анархисты, послѣ тщетныхъ попытокъ пробиться сквозь строй, были арестованы. Только главарь ихъ Швець, съ оружіемъ въ рукахъ, оказывалъ сильнѣйшее сопротивление. Послѣ продолжительной схватки, Швець убитъ наповаль.

(Ст. У.).

Въ Азовѣ, произошло кровавое столкновеніе между казаками гниловской станицы и крестьянами селенія Койсугъ изъ-за спорной земли. Есть помятые и раненые, одинъ убитъ.

(Пр. Кр.).

Въ Пятигорскѣ, 23 іюля, въ центрѣ города, тремя выстрѣлами изъ револьвера убитъ бывший одесскій генераль-губернаторъ Карангозовъ. Трое участников убійства скрылись.

Въ Екатеринодарѣ, 20 іюля, тремя револьверными пулями убитъ помощникъ полицеймейстера и случайно раненъ одинъ изъ ѣхавшихъ на трамваѣ пассажировъ.

Въ пути около Армавира неизвестными злоумышленниками смертельно раненъ судебный приставъ Шевеляевъ, у котораго похищены дѣла и бумаги.

Въ Орлѣ, 17 іюля, на возвращавшихся съ покоса пристава, его помощника и писмоводителя напали нѣсколько злоумышленниковъ, остановили ихъ и выстрѣлами изъ браунинговъ убили пристава и помощника; писмоводитель спасся бѣгствомъ.

Близъ Вятки, на ижевскомъ заводѣ, въ квартиру помощника пристава Григоровскаго брошена бомба; злоумышленникъ скрылся; несчастій нѣтъ.

(Н. Вр.).

Въ селѣ Каменкѣ, епифанскаго уѣзда, крестьяне подожгли домъ мѣстнаго урядника Соколова, предварительно завязавъ дверь дома веревками. Урядникъ спасся черезъ окно. Поджигатели не обнаружены.

(Т. Р.).

Въ Асхабадѣ, была сдѣлана попытка заманить въ засаду полицейскихъ. Было брошено нѣсколько бомбъ. Убитыхъ и раненыхъ нѣтъ. Одинъ арестованъ.

Въ Севастополѣ, 19 іюля, на разсвѣтѣ, полиція явилась въ домъ Семенова на Корабельной сторонѣ

для обыска квартиры, снятой лицомъ, назвавшимся вымышленной фамиліей. Когда чины полиціи черезъ окно проникли въ запертую отсутствовавшимъ квартирантомъ комнату, раздался сильный взрывъ. Приставъ Цемко и околочный надзиратель были убиты на мѣстѣ, вахмистръ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Хозяинъ дома и жандармъ ранены легко. Неизвѣстный, оставившій въ квартирѣ свои вещи, скрылся. Сила взрыва была необычайно велика: половина двухъ-этажнаго дома совершенно разрушена. Задержано нѣсколько подозрительныхъ лицъ.

(Н. Вр.).

Въ Вильнѣ, двое грабителей пытались ограбить цейхгаузъ 27 артиллерійской бригады. Одинъ изъ грабителей бросился на часового и ударилъ его палкой, часовой шашкой нанесъ ему глубокую рану въ шею, грабитель бѣжалъ. Другого грабителя, также бросившагося на часового, послѣдній выстрѣлами изъ револьвера въ грудь и голову убилъ.

На станціи Синельниково была взломана дверь одного вагона. Оттуда похищенъ транспортъ револьверовъ.

(К. М.).

Въ Либавѣ, произведеннымъ полиціей въ закрытомъ заводѣ „Везувій“ обыскомъ обнаружено нѣсколько бомбъ и оружіе.

Въ Перми, обнаружена квартира членовъ боевой организаци; найдены запасы разныхъ принадлежностей одежды, двѣ бомбы и оружіе. При обыскѣ задержаны трое.

Въ Уфѣ, при обыскѣ полиція обнаружила въ одной изъ квартиръ снаряженную бомбу, три оболочки, два куса пироксилина, металлъ для отливки, браунингъ съ 25 патронами, револьверъ системы Смита съ 10 патронами, кинжалъ, чертежи съ описаніемъ приготовления бомбъ и нелегальную литературу. Арестованы трое.

(Реф.).

Близъ Новороссійска въ Мефодіевскомъ поселкѣ найдены бомбы, взорвавшіяся съ необычайной силой.

(Од. Н.).

Въ Ригѣ, на Московскомъ предмѣстьѣ найдены 6 бомбовидныхъ снарядовъ.

(П. Г.).

Въ екатеринбургской тюрьмѣ найдена бомба.

(Р. В.).

Въ Батумѣ, 12 вооруженныхъ напали на типографію Шапиро и увезли изъ нея печатную машину-американку.

(Р. Сл.).

Въ Таганрогѣ, обнаружена типографія с.-д. Арестованы двое мужчинъ и двѣ женщины. Захвачены шрифты, станокъ, прокламаціи. Аресты продолжаются.

(Р. Сл.).

19 іюля въ спб. судебной палатѣ должно было слушаться дѣло газеты „Рабочій Голосъ“, по которому въ качествѣ обвиняемыхъ привлекались 3 об-

виняемых: Матвей Горшковъ, Петръ Васильевъ и рижскій обыватель Манель Шапиро.

На скамьѣ подсудимыхъ трое.

— Подсудимый Васильевъ,—обращается председатель по открытіи засѣданія,—встаньте.

Встаютъ двое.

— Кто же изъ васъ Васильевъ!—спрашиваетъ председатель.

— Я,—отвѣчаетъ одинъ, свѣтлый блондинъ.

— Я,—отвѣчаетъ и другой, смуглый брюнетъ.

— Петръ Васильевичъ Васильевъ?

— Я,—отвѣчаютъ оба.

Председатель въ недоумѣніи.

Начинаются разспросы, осмотръ документовъ и, въ концѣ концовъ, недоразумѣніе выясняется.

Настоящій обвиняемый брюнетъ—коломенскій мѣщанинъ П. В. Васильевъ, и другой—московскій мѣщанинъ П. В. Васильевъ просидѣлъ два мѣсяца въ тюрьмѣ изъ-за злополучнаго совпаденія именъ.

Ни тому, ни другому не врученъ обвинительный актъ.

Обвиняемый Горшковъ не явился и повѣстка ему не вручена.

Суд. палата постановила дѣло слушаніемъ отложить и сообщить начальнику тюрьмы, что московскій мѣщанинъ Васильевъ никакого отношенія къ производящемуся въ судебной палатѣ дѣлу не имѣетъ.

(Рѣчь).

Въ Петербургѣ, 18 іюля содержащійся въ одной изъ камеръ 1 этажа пересыльной тюрьмы Шумунъ влѣзъ на окно. Замѣтивъ это, часовой приказалъ ему слѣзть. Шумунъ требованіе это не исполнилъ. Сдѣлавъ предупрежденіе, часовой выстрѣлилъ въ Шумуна. Пуля попала въ лѣвый глазъ, и Шумунъ былъ убитъ. Убитый былъ нѣсколько времени тому назадъ привезенъ изъ Выборга и числился за жандармскимъ управленіемъ.

(Тов.).

Въ Варшавской подслѣдственной тюрьмѣ политическій заключенный Степанъ Гельвицъ, стоя у окна своей камеры, разговаривалъ съ женскимъ отдѣленіемъ. Часовой потребовалъ прекращенія разговора, и когда Г. не послушался, выстрѣлилъ и убилъ заключеннаго.

(Еж. П.).

Въ лодзинской тюрьмѣ часовыми ранено трое заключенныхъ, разговаривавшихъ черезъ окна съ другими заключенными.

(Р. Сл.).

Въ самарской губернской тюрьмѣ часовой ранилъ въ голову арестанта Макѣева, завѣшивавшаго окно въ камерѣ для защиты отъ насѣкомыхъ. Часовому показалось, что арестантъ пилилъ рѣшетку.

(Свв.).

Въ Одессѣ, казнены три человѣка: Мартыновъ, Михайловъ и Ушаковъ, обвинявшіеся въ разбойныхъ нападеніяхъ.

(Р. Сл.).

Въ Москвѣ, 18 іюля, повѣшенъ крестьянинъ Губановъ, который былъ признанъ виновнымъ въ участіи въ ограбленіи артельщика завода Бромлей.

(Тов.).

Библиографія.

ЭДУАРДЪ БЕРНШТЕЙНЪ. Стачки. Переводъ съ нѣмецкаго. Библиотека „Общественной пользы“. Спб. 1907 г. Стр. 128. Ц. 40 к.

Настоящее сочиненіе Эд. Бернштейна является однимъ изъ выпусковъ научно-популярной библиотекы, издаваемой М. Буберомъ, подъ общимъ заголовкомъ „Общество“ (Gesellschaft). Главное достоинство этого изданія состоитъ въ соединеніи научности съ общедоступностью изложенія, (вышли въ свѣтъ уже „Религія“ Земмеля, „Пролетаріатъ“ Зомбарта и намѣчена цѣлая серія работъ, принадлежащихъ выдающимся современнымъ ученымъ).

Стачка является однимъ изъ могущественныхъ средствъ, которое имѣетъ въ своемъ распоряженіи рабочій классъ для улучшенія своего экономическаго положенія. И настоящее изслѣдованіе вождя ревизионистскаго движенія въ германской социалъ-демократіи посвящено объективному изученію этого явленія.

Историческія данныя указываютъ, что стачки появляются одновременно съ возникновеніемъ класса „свободныхъ рабочихъ“, а такъ какъ наемный трудъ существовалъ уже и въ античномъ мірѣ, то и начало исторіи стачекъ рабочихъ относится къ далекому прошлому. Но данныя, относящіяся къ промышленной и торговой жизни античнаго міра, частью слишкомъ скудны, частью настолько мало использованы учеными, такъ что мы въ настоящее время еще не располагаемъ матеріаломъ, достаточнымъ для воссозданія картины древнихъ стачекъ. Весьма скудны также свѣдѣнія и о многочисленныхъ забастовкахъ ремесленниковъ, относящихся къ концу среднихъ вѣковъ. Широкое распространеніе и право гражданства стачка получила только въ XIX столѣтіи съ широкимъ развитіемъ капитализма.

Непосильныя условія труда, нищенская заработная плата—все это заставляло рабочихъ усиленно стремиться къ улучшенію своего положенія. Единственнымъ средствомъ для охраненія отъ эксплуатаціи рабочаго на этой ступени была стачка, постоянно сопровождавшаяся крайнимъ возбужденіемъ страстей съ обѣихъ сторонъ, доходившихъ до бунтовъ. Яркое художественное изображеніе такого бунта даетъ Гауптманъ въ одной изъ лучшихъ своихъ драмъ „Ткачи“.

Этимъ характеромъ „дикаго правосудія“, какъ охарактеризовалъ ихъ Карлейль, отличаются всѣ первоначальныя стачки. Результаты же значительной части такихъ стачекъ—или полная неудача, или недолговѣчный успѣхъ. Непрерывное развитіе капитализма, созданіе типа современнаго рабочаго и въ связи съ этимъ ростъ профессиональнаго движенія съ теченіемъ времени совершенно видоизмѣняютъ характеръ стачки. Стачка становится не единственнымъ, а однимъ изъ многихъ средствъ, которыми располагаютъ рабочіе въ своей борьбѣ. „Стачка, какъ указываетъ Бернштейнъ, становится все болѣе продуктивной, а потому вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе рѣдкимъ явленіемъ, начиная все чаще и чаще играть роль ultima ratio въ большинствѣ культурныхъ странъ“.

Англійская королевская слѣдственная коммиссія 1892/94 въ своемъ заключеніи по вопросу о взаимоотношеніи труда и капитала, пишетъ: „Насколько современная война между двумя великими европейскими державами, какъ бы дорого она ни стоила, представляетъ болѣе высокую ступень цивилизаціи, нежели безпрестанныя мелкія сраженія и пограничныя столкновенія въ тѣ времена, когда правительства были слабѣе и менѣе централизованы—насколько, стачка, наступающая послѣ долголѣтняго мира, представляется въ общемъ болѣе положительнымъ фактомъ, чѣмъ безпрерывныя мелкія недоразумѣнія, забастовки и столкновенія“. „Безъ сомнѣнія, наиболѣе крупные, богатые и организованные профессиональные союзы весьма

много способствовали уменьшению недоразумѣній между капиталомъ и трудомъ." Историкъ Лекки указываетъ, что сильныя организациі рабочаго класса составляютъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ если не совершеннаго устраненія стачекъ, то уменьшенія ихъ числа. Въ обществѣ, основанномъ на противоположности интересовъ, вооруженный миръ, при всей его дороговизнѣ и обременительности, есть въ концѣ концовъ единственно возможный миръ.

Интересныя статистическія данныя приводитъ Бернштейнъ изъ нѣмецкаго профес. союза рабочихъ по металлу (насчитывающаго около 300.000 рабочихъ) за 1904 г., устанавливающія численное соотношеніе въ предѣлахъ одного и того же хорошо организованнаго союза безъ примѣненія стачки, движенія.

	Число случаевъ.	Число участвовав- шихъ лицъ.
Оборонительныя стачки.	97	5.674
Наступательныя "	73	5.865
Локауты.	24	6.873

	194	18.412
Движенія безъ забастовокъ	244	29.521

Такимъ образомъ движенія безъ забастовокъ весьма значительно превосходятъ по числу случаевъ и участниковъ боевыя движенія.

А въ 1905 г. въ томъ же союзѣ изъ 564 конфликтовъ безъ забастовки были улажены 321. Бернштейнъ приводитъ (46 стр.) статистическую таблицу, составленную центральнымъ органомъ британскихъ рабочихъ союзовъ, о стачкахъ въ Великобританіи за 12 лѣтъ (1892—1904 г.); изъ этой таблицы тоже совершенно ясна тенденція къ ослабленію стачечнаго движенія.

Въ нормальные годы, какъ показываютъ данныя этой таблицы, потеря отъ стачекъ измѣряется едва одной третью рабочаго дня на рабочаго, а число участниковъ въ стачкахъ составляетъ лишь одну пятидесятую часть всѣхъ рабочихъ. (Стр. 47).

Эта тенденція апелляціи къ стачкѣ исключительна какъ къ ultima ratio поддерживается и представителями рабочихъ партій. Такъ, германская социаль-демократія на партейтагѣ въ Галле въ 1890 г. приняла слѣдующую резолюцію: „такъ какъ забастовка и бойкотъ представляютъ собой обоюдострое оружіе, то партейтагъ рекомендуетъ нѣмецкимъ рабочимъ всякій разъ, когда у нихъ возникнетъ намѣреніе воспользоваться этимъ оружіемъ подвергать тщательному обсужденію всѣ обстоятельства"... Международный социалистическій конгрессъ принялъ въ 1891 г. резолюцію въ томъ же духѣ.

Такимъ образомъ стачка, замѣчаетъ Бернштейнъ, какъ массовое явленіе исчезаетъ, такъ же какъ исчезла въ качествѣ массоваго явленія война составляющая на извѣстной ступени культурнаго развитія нормальное явленіе".

На смѣну стачки законодательство создаетъ тарифныя договоры, комиссіи и третейскіе суды; въ Европѣ почти вездѣ (кромѣ женевского кантона) они носятъ факультативный характеръ, въ молодыхъ же демократіяхъ, какъ Новая Зеландія и Викторія, постановленія третейскихъ судовъ имѣютъ уже принудительный характеръ.

Въ книгѣ содержится богатый фактический матеріалъ, какъ относительно стратегіи, такъ и тактики промышленной войны.

Въ заключеніе намъ остается еще указать на послѣднюю главу книги, посвященную политической стачкѣ. Бернштейнъ кратко анализируетъ необходимыя условія для успѣха политической стачки. Хотя разсужденія автора по этому вопросу не отличаются новизной, но и эти азбучныя истины небезполезны для русскаго читателя.

Р. И.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

РЕЗОЛЮЦИИ.

19—20 іюля, по 3 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: Соболевскихъ; Минде.

Жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: Ястребова и Камерилова; Бѣлозерскаго.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Явдынской; Холщевникова; Лукшанеозъ; Маркова; Гр. Плятеръ-Зибберга; Садовской; Глухова; Струкова; Струковой; Корсака; Нефлова; Патканова; Звеза; Паллосонъ; Соминскаго.

Исключены изъ доклада: Кеслеръ; Мороза; Вербицкаго.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

20—21 іюля, по 4 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: Мельниковой; упр. оренбурготашкентской жел. дор. съ Леухинымъ.

Жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: Лепенчуковъ и др.; администраціи Орѣхова.

Исключены изъ доклада: Шмырова; Филипповой; Головки; Баркалова.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Толстого; Полякова; Элертъ; Фатова; Лѣсника; Вытриковского; Эдельштейна; Чертенка; Петрова; Кокушкина.

Переданы на разсмотрѣнія департамента: Руденко; Кальницкаго; Елина.

Исключено изъ доклада: Югансонъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ТОЛЬКО ОДНА РЮМОЧКА

великолѣпнаго вина Сентъ Рафаель

предохранить Васъ отъ серьезныхъ заболеванийъ на почвѣ желудка.

Лѣтомъ, когда Вы ведете не совсѣмъ нормальную жизнь, когда употребленіе разныхъ плодовъ и ягодъ является потребностью организма и часто влечетъ за собою желудочныя заболевания, когда высокая температура и не всегда здоровая вода увеличиваютъ эту опасность, Вамъ необходимо пить исключительно

ВИНО СЕНЪ РАФАЭЛЬ,

такъ какъ оно, благодаря своимъ тоническимъ и другимъ качествамъ, укрѣпляетъ Ваши силы и не даетъ развиваться желудочнымъ болѣзнямъ

Вино СЕНЪ РАФАЭЛЬ:

ОСВѢЖАЕТЪ, УКРѢПЛЯЕТЪ и ПОДДЕРЖИВАЕТЪ НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ ЖЕЛУДКА.

Достаточно на пріемъ малая рюмка на стаканъ воды.

Compagnie du Vin St.-Raphael Valence, Drome.

Издатель, приватъ-доцентъ: В. М. Гессенъ.

Отвѣтственный редакторъ: І. Е. Фриде.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
А н д р е е в а, Елена Васильева, по свид.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 756.	Спб. к. с.
Б ѣ л я е в ъ, Павелъ Андреевъ, по свид.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 722.	Ставропольск. о. с.
Б у р г а р д т ъ, Іосифъ Станиславовичъ, инженеръ, подъ фирм.: „І. С. Бургардтъ и Ко“.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 743.	Московск. к. с.
В а с и л ь е в ъ, Платонъ Игнатьевъ, ум. куп.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 750.	Спб. к. с.
Г л у х о в ъ, Николай Николаевъ, б. куп.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 735.	Московск. к. с.
Г о р о ш к о в ъ, Павелъ Семеновъ, по свид.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 741.	Московск. к. с.
Г у т т м а н ъ, Федоръ Фридриховъ, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Попечительство надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 292.	Рижск. с. с.
Д ю н к е в и ч ъ, Владиславъ Маврикіевъ,	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. долги. Р. VI, ст. 731.	Тамбовск. о. с.
Д а н и л о в ъ, Михаилъ Васильевъ, кр.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. долги. Р. VI, ст. 736.	Московск. к. с.
З о л о т ц о в ъ, Игнатій Алексѣевъ.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 719.	Казанск. о. с.
З а в ѣ я л о в ъ, Дмитрій Семеновъ, кр. по свид.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 747.	Спб. к. с.
И н в а л и д о в а, Марія Иванова, по свид.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 742.	Московск. к. с.
И с а д ж а н о в ъ, Исаджанъ, Степановъ, по свид.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 740.	Московск. к. с.
К у т о р г а, Александра Николаева, дв.	С. о. 26 іюля. № 60. Опекун. надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 295.	Спб. дв. о.
Л и с т р а т о в ъ, Алексѣй Андреевъ, куп.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. долги. Р. VI, ст. 718.	Владимірск. о. с.
М и х а и л о в ъ, Василій Ивановъ, поч. гр.	С. о. 26 іюля. № 60. Опекун. надъ личн. и имущ. по разстройству умствен. способностей. Р. VII, ст. 286.	Московск. с. с.
М а л ы ш е в ъ, Артемій Феофановъ, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Опекун. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 291.	Ветлужск. с. с.
М а р т ы н о в ъ, Сергѣй Ивановъ, подъ фирм.: „С. И. Мартыновъ и М. В. Даниловъ“.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 736.	Московск. к. с.
М и т ю ш и н ъ, Александръ Александровъ, куп.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 738.	Московск. к. с.
М е л ь н и к о в ъ, Антонъ Ивановъ, кр.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 744.	Моск. к. с.
М а к с и м о в ъ, Александръ Александровичъ, гражд. инженеръ.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 749.	Спб. к. с.

Макаровъ, Григорій Андріановъ, ремесл.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 753.	Спб. к. с.
Осиповъ, Василій Семеновъ, ум. кр.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 754.	Спб. к. с.
Пальмъ, Морицъ (отч. не ук.), ум. подъ фирмою: «Морицъ Пальмъ и Ко»,	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 745.	Московск. к. с.
Понсе, Елизавета, (отч. не ук.) жена франц. гражд.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 746.	Спб. к. с.
Плотниковъ, Сергій Алексѣевъ, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 723.	Тамбовск. о. с.
Русско-Бельгійское Акц. О-во орловскихъ доменныхъ печей и рудниковъ.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 751.	Спб. к. с.
Рашала, Іосель Шнейдеровъ, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 716.	Вилensk. о. с.
Регнеръ, Яковъ Яковлевъ, по сви.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 720.	Саратовск. о. с.
Струковъ, Михаилъ Михайловъ, ум. куп.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 724.	Тульскій о. с.
Серебрякова, Варвара Алексѣева, кр.	С. о. 26 іюля. № 60. Опек. надъ имущ. по разстройству умствен. способностей. Р. VII, ст. 288.	Моск. с. с.
Силины, Петръ Ивановъ и Глафира Сергѣева.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 734.	Московск. к. с.
Сусаринъ, Дмитрій Ивановъ, кр.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 748.	Спб. к. с.
Смирновъ, Василій Владиміровичъ, кр.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 752.	Спб. к. с.
Серебрякова, Ирина Николаева, кр.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 739.	Московск. к. с.
Тусузовъ, Баронъ Михайловъ.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 717.	Таганрогск. о. с.
Тихомировъ, Петръ Алексѣевъ, пот. поч. гр.	С. о. 26 іюля. № 60. Опек. надъ имущ. по рачеточительности. Р. VII, ст. 296.	Ярославск. с. с.
Торгашевъ, Антонъ Михайловъ, куп.	С. о. 26 іюля. № 60. Опек. надъ личн. и имущ. по разст. умствен. способн. Р. VII, ст. 287.	Моск. с. с.
Томилинь, Николай Феоктистовъ, пот. поч. гражд.	С. о. 30 іюля. № 61. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 737.	Московск. к. с.
Хорошкѣва, Надежда Ефремова, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 721.	Смоленск. о. с.
Ходжіевъ, Байлухамедъ Турда Мухамедъ, сартъ.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 725.	Ново-Маргеланск. о. с.
Цыганковъ, Николай, (отч. не ук.), мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Опек. надъ личн. и имущ. по душевной болѣзни. Р. VII, ст. 290.	Харьковск. с. с.
Черняева, Ольга (она же Маргарита-Алина), подъ фирм.: „Международн. агентура автомобилей въ Варшавѣ“.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 726.	Варшавск. к. с.
Чижевъ, Федоръ Михайловъ, пот. поч. гр.	С. о. 26 іюля. № 60. Опекунск. упр. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 289.	Уфимск. с. с.
Шмидтъ, Карлъ Вильгельмовъ, цех.	С. о. 26 іюля. № 60. Попечительство надъ личн. и имущ. по умонамѣшательству. Р. VII, ст. 293.	Рижск. с. с.
Шарапова, Прасковья Александрова.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 732.	Ревельск. о. с.

Штейнъ, Гольда-Ривка, купч.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 2733.	Москк. с. .
Штейнманъ, Карлъ Андреевъ, швейц. гр.	С. о. 26 іюля. № 60. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 755.	Спб. к. с.
Шеклѣвъ, Николай Ивановъ, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Опек. надъ личн. и имущ. по разстройству умствен. способностей. Р. VII, ст. 294.	Моск. с. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Аленновъ, Андрей Михайловъ, по свид.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1901 г. № 96, ст. 1008), безъ опредѣленія свойства Р. VIII, ст. 233.	Ставропольск. о.с.
Бикказакъ, Ихсанъ Бикказакъ, куп.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1900 г. № 52, ст. 555), признаніемъ неосторожной. Р. VIII, ст. 231.	Оренбургск. о. с.
Бялый, Моисей Абрамовъ, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1905 г. № 21, ст. 256), признан. неосторожной. Р. VIII, ст. 234.	Одесск. к. с.
Зильберштейнъ, Яковъ Бенгоминовъ, мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1905 г. № 21, ст. 256), признаніемъ злостною. Р. VIII, ст. 234.	Одесск. к. с.
Корсакъ, Юліанъ Викентьевъ, ум. дв.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1886 г. № 52, ст. 799), признан. неосторожной. Р. VIII, ст. 223.	Витебск. о. с.
Кулиновъ, Ходжи Аглыбай.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекращ. дѣло о несостоят. (первой публ.—с. о. 1903 г. № 81 ст. 914), призн. неосторожной. Р. VIII, ст. 229.	Вѣрненск. о. с.
Мясковичъ, Миронъ-Фелиціанъ-Антонъ Феликсовъ, дв.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1900 г. № 87, ст. 335), за смертью. Р. VIII, ст. 230.	Лидск. дв. с.
Мельникова, Марія Алексѣева, вд. мѣщ.	С. о. 26 іюля. № 60. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1894 г. № 11), за установленіемъ трезваго и правильнаго образа жизни. Р. VIII, ст. 232.	Рязанск. с. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Аржановымъ, Лаврентіемъ Семеновымъ, пот. поч. гр.	Гиршфельду, Осипу Григорьеву, прис. пов.	С. о. 26 іюля. № 60. У самарск. нот. Юрина, 16 іюля 1896 г. № 2285. Р. IV, ст. 217.	Самарск. о. с.
Жегаловой, Екатериной Генриховой, вд. ген.-л. и Демьяновичъ, Маріей Петровой, жен. шт.-ротм.	Демьяновичу, Александру Нилову, шт.-ротм.	С. о. 26 іюля № 60. У вилensk. нот. Неѣлова, 12 мар. 1905 г. № 673 и 17 авг. 1906 г. № 1987. Р. IV, ст. 214.	Вилensk. о. с.
Зайченко, Парасковѣй Егоровой, мѣщ.	Прудкевичу, Ивану Васильеву, дв.	С. о. 26 іюля. № 60. У кievск. нот. Кольчевского, 28 марта 1907 г. № 3337. Р. IV, ст. 216.	Кievск. о. с.
Ломтевой, Екатериной Дмитриевой, дв.	Лауферу, Йоселю Маркову, поч. гр.	С. о. 26 іюля. № 60. У кievск. нот. Карышева, 15 нояб. 1895 г. № 4990. Р. IV, ст. 215.	Кievск. о. с.
Михайловой, Вѣрой Михайловой, мѣщ.	Буланову, Николаю Ивановичу, тит. сов.	С. о. 26 іюля. № 60. У самарск. нот. Кавскаго, 3 февр. 1907 г. № 223. Р. IV, ст. 219.	Самарск. о. с.